

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

16+

Варвара Еналь

#КЛЮЧИ И ОКО

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

#ONLINE-бестселлер

Варвара Еналь

#Ключ Иоко

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Еналь В. Н.

#Ключ Иоко / В. Н. Еналь — «Издательство АСТ»,
2019 — (#ONLINE-бестселлер)

ISBN 978-5-17-114604-7

Один случайно заданный вопрос забросил Софию в проклятый Мир Синих Трав, где властвуют черные колдуны и обитают призраки и чудовища. Чтобы выжить, ей пришлось довериться молодому чародею Иоко, который во что бы то ни стало должен доставить Софию к своему таинственному Хозяину. Но вот ее спутник похищен и заточен в башне призрака, из которой нет выхода. София наконец свободна и может вернуться в свой мир, к прежней жизни. Но это ли нужно девушке, преодолевшей долгий и полный опасностей путь по Вороньим уделам и зачарованным лесам, чтобы спасти Иоко?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114604-7

© Еналь В. Н., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	52
Глава 10	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Варвара Еналь Ключ Иоко

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

Серия «ONLINE-бестселлер»

© В. Еналь, 2019

© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Глава 1

1

Вам никогда не доводилось попадать в чужой мир? Надеюсь, что и не придется.

А вот со мной случилось страшное и невероятное приключение. Никогда бы в жизни не подумала, что старая городская легенда о черном колдуне, которого можно вызвать с помощью специальной карты, окажется правдой.

Никогда бы не подумала, что этот черный колдун утащит меня в свой зачарованный мир.

Девчонки во дворе любили рассказывать всякие страшилки, и когда я была помладше, то жутко боялась призрака Пиковой дамы, который якобы обитал в нашем подвале. Я настолько сильно в него верила, что какое-то время не решалась заходить одна в подъезд. Соседский мальчишка Женька по кличке Пельмень однажды увидел, как я мнусь перед железной дверью и боязливо оглядываюсь, высматривая, не появится ли какая соседка или подружка, и высмеял меня.

– Что ты там стоишь? Не можешь дверь открыть, что ли?

Я не ответила ему. Мне на тот момент исполнилось десять лет, и годы учебы в школе давно научили, что обидчикам вообще не стоит отвечать. Лучше сделать вид, что не слышишь и не видишь их.

– А мне Машка рассказывала, что у тебя в подъезде живет Пиковая дама. Вот как вылезет она ночью и утащит тебя под кровать, будешь знать! – не унимался Пельмень.

Машкой звали его младшую сестренку, с которой мы иногда играли во дворе. Она и доложила брату о моих страхах.

Я надулась, отвернулась от Пельменя и решительно взялась за железную дверную ручку. Уж лучше сразиться с призраком Пиковой дамы, чем выслушивать глупости от соседского мальчишки.

Дверь скрипнула и распахнулась. От толстых стен подъезда потянуло холодом, запахло пылью, котами и свежими газетами: наша почтальонша успела разнести почту.

Пока за моей спиной оставался теплый солнечный свет, я только злилась и совсем не испытывала страха. Но стоило двери закрыться, как колючий ужас прокрался в душу. Где-то там внизу, под лестницей, находилась массивная дверь, а за ней...

За ней прятался жуткий призрак!

Холод протягивал ко мне свои длинные пальцы, хватал за лодыжки, забирался под тонкую футболку. Что-то скрипело и жутко дышало внизу – казалось, будто оно тихо крадется за дверью подвала. Крадется, чтобы схватить меня!

Я кинулась вверх со скоростью ошпаренной кошки. Перепрыгивала через две ступени и боялась оглянуться: вдруг призрак только и ждет, чтобы я задержалась.

Я чудом добралась до своей квартиры, не разбив коленки и не вывихнув ноги – так лихо я скакала по лестнице. Откуда же мне тогда было знать, что однажды все-таки придется встретиться с ними? И даже больше – мне предстояло увидеть призрака-оборотня, призрака-дракона и даже призрака пирата!

И кто бы мог подумать, что мои друзья – мои первые в жизни настоящие друзья – тоже окажутся призраками, чужой мир, куда перенесла меня колдовская карта, затянет в свои пустые, замершие просторы и время перестанет существовать? Безвременье – вот как назывался мир, где мне довелось оказаться.

Людей в нем почти не осталось, только колдуны-проводники, зато было полно призраков. Вот с ними мне и пришлось путешествовать.

Когда я попала в Мир Синих Трав – так его еще называли, – мое лицо уродовало жуткое родимое пятно, занимавшее всю щеку. Я считала себя некрасивой, невезучей, наивной заучкой и нелюдิมкой. У меня не было ничего: ни друзей, ни парня, ни любящей семьи.

Мачеха любила только собственного сына, отец постоянно отталкивал меня от себя, возможно, из-за этой самой родинки, поэтому Мир Синих Трав, куда я попала, завладел моим сердцем. Он изменил меня и дал особые силы, чтобы бороться со злом.

Черный колдун, утянувший меня в Безвременье, стал моим Проводником и Хранителем, а я стала его Спутницей. Мне довелось сражаться с жуткими призраками, и помогли мне тоже призраки – вот так сложилась моя судьба в чужом мире.

Мечтала ли я вернуться обратно? Конечно. Я вспоминала свою комнату, грустила по ноутбуку, телефону и музыке, думала о школе и об уроках. Иногда ужасно хотела сбежать, особенно в моменты смертельной опасности.

Но чем дольше я находилась в Безвременье, тем больше понимала, что принадлежу Миру Синих Трав, что у меня есть призвание и я могу оказаться полезной. В конце концов я осознала, что являюсь Хранителем этого мира, как мой проводник Иоко и множество других Хранителей.

Это было моим даром, моей особенностью и... сущностью. Я не могла по-другому, не могла не оберегать Мир Синих Трав.

И поэтому я не колеблясь отправилась на маленьком корабле Миес к загадочной Агаме, хозяйке Последнего убежища. Только она сумела бы помочь мне вернуть Иоко.

Мне предстояло рискованное путешествие к далеким и опасным берегам. Но я была не одна, вместе со мной отправились в путь и мои друзья-призраки.

2

Заброшенные города и развалины замков Мира Синих Трав давно уже перестали удивлять и лишь напоминали о былом величии. Потому, всматриваясь в затянутый дымкой и едва проступавший на горизонте берег, я привычно ожидала увидеть остатки старых стен, разрушенную древнюю кладку и зияющие пустотой оконные проемы.

Серый туман скрывал очертания города и клубился над пенящимся прибоем, неся в себе запахи гнилых водорослей, йода и еще чего-то горького и неприятного. Казалось даже, что это не туман, а дым от кострищ стелется над беспокойными волнами, что пена прибоя серая, а воздух полон мелких частичек, до ужаса напоминающих пепел.

– Надо было назвать это не Туманной Зыбью, а Пепельными Стенами, – тихо проговорил Хант, который пристроился рядом, облокотился на перила и пристально всматривался в горизонт.

Его длинный хвост свисал до самой воды, и мягкая кисточка на нем почти касалась бурлящей пены.

– Или Вороньим Городом, – тут же подсказал Тимай.

Он стоял около Ханта, и его растрепанные волосы сейчас особенно напоминали перья чаек. Мальчишки казались напряженными и встревоженными, оба не отрывали глаз от тумана, словно пытаясь что-то рассмотреть в дымных ключьях.

– Мы обогнем город и зайдем в самую укромную маленькую бухту, – принялась пояснять нам Миес. – Места там неудобные, полно подводных камней, но зато почти нет воронья. Там только песок и никаких деревьев, поэтому вороны не любят летать над тем берегом.

– Думаешь, там будет безопасно? – быстро уточнил Тимай.

– Не думаю, но надеюсь. Это самое удобное для нас место. Но если вороны нападут, нам придется худо, – Миес хмуро взглянула на меня и пояснила: – Хлебными крошками их не соблазнишь. Вороны здешних мест питаются мясом, охотятся на животных. И на людей – тоже, если вдруг попадутся. Сама понимаешь, люди встречаются редко, так что человечина тут – самое желанное лакомство.

– И что делать? – растерянно пробормотала я и оглянулась на Эви, словно надеясь на подсказку.

Та сидела у самой мачты, поджав под себя ноги и прикрыв грязные пятки краем рваного платица. Она плела венок из невесть откуда взявшихся розовых и белых цветочков и время от времени примеряла его на себе.

На мой вопрос Эви ответила не сразу. Сначала аккуратно вплела последний цветок, затем надела свое произведение на голову, поправила волосы, покрутила хорошенькой головкой и только потом соизволила обратить взгляд синих глаз на меня.

– У тебя же Посох, – проговорила она, пожимая плечами с таким видом, будто я спросила о какой-то ерунде. – Сражайся как Иоко.

– Я не умею сражаться, – сердито ответила я, – и если вы рассчитываете только на меня, то зря.

– Это вовсе не так, – тут же отозвалась добрая Миес, – мы будем держаться вместе. Если уж решили выручить Иоко, то никто из вас, дорогие мои, – и смуглая девочка-капитан кинула разъяренный взгляд на Ханта, – не улепетывает, едва завидев опасность, и не бросает Со одну. Понятно?

В ответ Хант отрастил рожки и длинную козлиную бороду, клацнул появившимися клыками и заверил, что будет драться как тигр.

– Как козел, – тихо буркнул Тимай и со вздохом покачал головой.

Эви поднялась, расправила платье и тихо, но твердо сказала:

– Ты поймешь, что надо делать, Со. Мы постараемся пробраться через Туманную Зыбь, но без битвы это не удастся. Сражаться придется всем.

Кивнув Эви, я постаралась унять поднимающийся внутри страх. Как было бы просто, если бы рядом был Иоко! Он наверняка знал бы, что делать, и одолел бы любого врага!

А теперь приходилось действовать самой. Глядя на Ханта, стучавшего хвостом по палубе, и на Эви, убиравшую волосы за ушки, я понимала, что мне самой придется защищать своих друзей. От этих двоих толку мало, да и Тимай вряд ли поможет. Обернется чайкой – и поминай как звали.

Остальные друзья-призраки: мой сверстник Лука, пиратка Миес и два ее младших брата – может, и не оставят меня в беде, но что они умеют?

А берег между тем приближался. Из серых туманных ключев на глазах вырастали огромные верхушки башен, совершенно целехонькие, цеплявшиеся зубцами за облака и подслеповато щурившиеся узкими окошками-бойницами.

Я насчитала пять громадных башен, соединенных между собой крепкими серо-синими стенами. Они подступали к самому морю. Около стен находился каменный пирс с далеко выступающими причалами, и волны бешено и яростно бились о камни, рассыпаясь множеством брызг.

Уходящее солнце спряталось за туманом, а стены города по-прежнему утопали в дымном мраке. Пахло костром и пеплом, но нигде не сверкало даже крошечной искорки пламени.

Зябко пожившись, я закуталась в плащ Иоко, который остался у меня вместе с остальными его немногочисленными вещами, и покрепче сжала Посох.

– Поворачиваем! – звонко прокричала Миес и взялась убирать паруса, – Шторм, Ветер, садитесь на весла!

Синее полотнище паруса свернули и привязали к верхней рее, и оба проворных брата Миес схватились за весла. Тимай вызвался им помочь. Хант тоже присоединился, но больше поднимал брызги, чем греб.

Его хвост постоянно топорщился кверху и мешал сидевшему сзади Ветру. Наконец тот не выдержал и велел Ханту убираться.

– Без тебя справимся, – пробурчал он.

Высоченные башни Туманной Зыби остались по правому борту, а длинный нос корабля уже бороздил светлевшие воды моря.

– Нас донесет с течением, – пояснила Миес.

Она стояла у руля и шурилась, всматриваясь вдаль.

Мы двигались очень быстро. Вода буквально пенилась за кормой, брызги оседали на моих губах и волосах, покрывали мелкими блестящими капельками Посох.

Совсем скоро показался лесистый холм, одна сторона которого была абсолютно гладкая и отвесная, словно бы обрубленная гигантским топором. С огромной высоты холма срывался водопад и с шумом обрушивался на бурлящие волны.

Словно замороженная я смотрела на блестящие струи воды, быстрые и говорливые, заглушавшие собой шум ветра и шелест деревьев.

Но вот и водопад остался позади. Корабль миновал еще один зеленый холм, сделал крутой разворот и нырнул в узкий пролив между двумя скалами.

Сумрак обступил нас, сгустившись над головами, но тут же развеялся. Пролив закончился, и передо мной развернулась уютная бухта со спокойной светлой водой и простиравшимся вдаль горизонтом.

На длинной косе возвышались три громадные пальмы, за которыми поблескивала мирная гладь ласкового моря.

– Ничего себе, – тихо проговорила я.

– Шторм, встань на носу! Ветер, держи штурвал! – распорядилась Миес. – Двигаемся между скал!

Из воды действительно выступали скалы, но не они представляли опасность. В неподвижной глади я смогла рассмотреть верхушки подводных рифов, которые коварно прятались на глубине.

Но, видимо, Миес и ее братья знали, что делать: неторопливо и умело они вывели наше судно к желтому песку у подножия пальм.

– Мы у Пальмового берега. Теперь нужно спрятать корабль, ведь мы не скоро попадем на него вновь, – объяснила Миес. – Спускайтесь, а мы с братьями переправим его в Призрачную бухту, где он будет в безопасности.

3

Так называемой Призрачной бухтой оказалась длинная песчаная коса, у самого основания которой росла одна из трех пальм. Миес и ее братья общими усилиями вытянули парусник на песок, накрепко привязали канаты к шершавому пальмовому стволу и забросали корабль песком.

Лежащее на боку, беспомощное и неподвижное судно показалось мне погибшим животным и почему-то навеяло смутную грусть. Вспомнилось, как мы с Иоко помогали управлять парусами, как отдыхали в крошечной, но уютной каюте и ели вкуснейшую рыбу, выловленную Тимаем, – и я не смогла подавить тяжелый вздох.

– Наведи на корабль Посох и пожелай ему стать невидимым, – попросила Миес, когда братья отряхнулись и отошли от него.

– Думаешь, выйдет? – уточнила я.

– Всегда так делали, когда плавали с Хранителями, – пояснила девушка-капитан. – У тебя должно получиться, ты же Спутница Хранителя. Это и называется «спрятать в Призрачной бухте».

Пожав плечами, я подняла Посох, и в воздухе заблестели крошечные искры. Сила уже стремилась по древку, наполняя его внутренним свечением. Достаточно было подумать о невидимости и мысленно связать корабль с землей, как он превратился в огромную серую скалу, покрытую зеленоватым мхом.

– Отлично! – воскликнула Миес.

– Ну хоть какой-то толк от палки Со, – проворчал Хант и щелкнул хвостом. – Теперь идем, хватит восторгаться ее умениями. Нужно до темноты успеть пройти Зыбкие ворота, иначе придется где-то переждать ночь.

– Верно подмечено, – торопливо согласилась с ним Эви. – А ночами тут властвуют вороны и тролли.

Глава 2

1

Солнце, наверное, почти закатилось. «Наверное» потому, что я не смогла заметить ни одного пылающего луча на небе: все скрывали мглистые темные тучи, и вокруг сгустился сумрак. Деревья мрачно скрипели на ветру, их ветви угрожающе цеплялись за мою одежду и роняли под ноги сучья и колючки.

Темнота царил повсюду, но это была не ночная, синяя и звездная, темнота, которую щедро освещали две приветливые луны, а, скорее, какой-то серый пепельный мрак, полный горечи и печали.

Призраки стали полупрозрачными и притихли, даже Хант перестал шелкать хвостом и подпрыгивать; он крался тихонько и осторожно, время от времени посматривая на Эви, а на его наглой веснушчатой морде появилось выражение какой-то грустной торжественности.

Первой шагала я, за мной двигалась Эви, на голове которой яркими пятнышками сияли цветы из венка, около нее семенял Хант, за ним – Лука и Тимай. Самые осторожные и внимательные – Миес и ее братья – замыкали нашу цепочку.

Мы обогнули холм через удобный перевал и выбрались на выложенную синим камнем дорогу, такую знакомую и родную, что я невольно сжала губы, пытаясь сдержать слезы. Сколько ночей мы прошагали рядом с Иоко по такой дороге, сколько приключений пережили вместе!

Эви понимающе посмотрела на меня и шепнула:

– Мы вернем Им-Сиана.

Отвечать ей не хотелось. Я ускорила шаг, благо идти теперь стало легче.

Вечерний сумрак все никак не мог перейти в ночь, и здесь, перед самыми стенами Туманной Зыби, клочья тумана казались осязаемыми и особенно густыми. Видимость пропадала буквально через пару шагов, поэтому я выставила Посох вперед и осветила дорогу слабым голубоватым огоньком на его конце.

Туман стоял стеной, но все же мне удалось заметить крутой поворот в конце. Дорожка образовывала петлю, огибая ствол дерева, проступавший впереди темным столбом. Ветви его терялись во мраке, и ни дуновения ветра, ни шелеста, ни скрипа не было слышно в этом месте.

Мы приблизились к дереву, и я повернула, с некоторым облегчением подумав, что оно осталось за спиной, как вдруг тишину разорвало хриплое карканье. Туман тут же подхватил его и повторил многократным гулким эхом.

– Кар-кар-кар!

Я вздрогнула, чуть не выронив Посох. Эви молча оглянулась, и цветы на ее венке засияли еще ярче. Хант ругнулся, вспомнив свиней, чертей и еще каких-то тварей.

Лука принялся осматриваться, но Миес посоветовала не медлить и шагать дальше.

– Тут полно воронья, – буркнула она.

С трудом уняв внутреннюю дрожь, я сделала пару шагов, но тут кто-то схватил меня за плечо, крепко вцепившись в плащ Иоко, который я теперь носила, и рванул назад.

– Посох! – тут же подсказала Эви.

Я, не оглядываясь, подняла палку и стукнула наугад изо всей силы. Туман на мгновение разорвался, и я смогла разглядеть черную сучковатую ветку дерева, похожую на воронью лапу. Она коротко заскрипела и нехотя убралась, оставив меня в покое.

Снова раздалось карканье, и снова оно превратилось в многократное эхо.

– Это воронья земля такая, – тихо проговорил Тимай. Ему никто не ответил.

Мне вдруг до боли, до жуткого отчаяния захотелось, чтобы на мое плечо сейчас опустился ворон Иоко и дал добрый совет. Захотелось почувствовать его цепкие когти на своей коже, ощутить шелест перьев рядом с шеей и понять, что бояться мне нечего...

– Вперед, – коротко распорядилась Эви. И мы снова зашагали дальше.

Город-крепость Туманная Зыбь проступал из дымного сумрака неохотно и медленно. Сначала мы смогли разглядеть его башни: казалось, что они парили высоко в небе, оторванные от земли и от всего реального. Мрачные и крепкие, они возвышались над нами как грозные исполины.

Наконец, когда мы преодолели изрядный кусок дороги из синего камня и клочья серого тумана осели тяжелой влагой на нашей одежде, каменная кладка стен встретила нас суровой неприступностью. Крепость казалась совершенно недостижимой: ни одной бреши, ни единой лазейки.

– И что теперь? – тихо спросила я.

– Тут полно ворот, – недобро усмехнулась Миес. – Сейчас увидишь: город сам явит нам их. Но пройти мы сможем только в одни, их называют Зыбкими. Только Зыбкие ворота являются настоящими.

Я не поняла, что Миес имеет в виду, но не успела спросить. Стена дрогнула, пошла странной прерывистой рябью, и уже через секунду перед нами появилось семь здоровенных железных ворот, ничем не отличавшихся друг от друга и абсолютно неприступных. На каждом красовалась пара воронов с раскрытыми клювами, и птицы, казалось, смотрели на меня и хитро улыбались. Эта улыбка была не доброй – в хищном блеске выпуклых глаз мне почудилась плохо скрытая злоба.

– Тебе нужно найти правильные ворота, вот и все, – невозмутимо пояснил Хант и глупо хрюкнул, дернув появившимся свинячим пяточком.

– Нам всем нужно найти правильные ворота, – поправила его Миес и потянулась, чтобы хлопнуть по затылку, но Хант отпрыгнул от нее и показал длинный раздвоенный язык.

– Хватит, сейчас не время. Найти верную дверь будет непросто. Если мы ошибемся, Туманная Зыбь поглотит нас всех. И призраков – тоже, – пояснила Эви.

– Как же вы сами прошли через этот город? – не поняла я.

– Мы никогда не проходили, – ответила Миес. – Здесь бывают только Проводники, и они знают, как выбирать дверь. Иоко справился бы с этим заданием.

– А ты – Спутница Хранителя, тоже должна уметь, – сказал Хант и вызывающе взглянул на меня.

Я посмотрела на ворота: семь двойных створок, которые тянулись через всю стену, закрытые так крепко, что даже микроб, наверное, не пробрался бы в щель. Часть их скрывал клубившийся вокруг туман.

– Что будет, если меня поглотит Туманная Зыбь? – почти шепотом спросила я у Эви.

– Это владение Хозяина. Ты окажешься прямиком у него. И я с Хантом – тоже, и Лука. Миес с братьями могут спастись, их не затянет, но мы точно погибнем.

– Почему? – еще тише спросила я.

– Потому.

– Но я не могу выбрать! – Я прошептала эти слова, но мне самой они показались криком. – И не знаю, что надо делать!

– Знаешь. Ты же делала нечто подобное в башне Иоко, разгадала его Шкаф Желаний. Значит, и тут сможешь.

– Откуда ты знаешь про Шкаф? – удивилась я.

– Он сам рассказал во время одного из привалов, когда ты спала.

Тот самый Шкаф Желаний, где я смогла найти все необходимые мне вещи. Но я легко разгадала его секрет, потому что особого секрета и не было. Желаеть и получаешь, получаешь то, что желаешь. Все самое главное, что нужно было для волшебства, находилось во мне самой.

Но что же мне делать теперь?

– Этот мир – не то, чем кажется, – серьезно произнес Хант, и его рожки и пяточок тут же пропали, явив миру серьезное лицо мальчугана.

– Значит, вороны – это вовсе не вороны, – решительно прошептала я, приближаясь к первым воротам, – а мне нужно попасть в убежище Агамы.

Нелегко увидеть суть вещей. Мир, в котором я оказалась, умело прятал ее за хищными мордами лусов и наглыми вороньими клювами. Но не все призраки превращались в лусов и были врагами, не все Проводники оказывались злыми колдунами и не все вороны служили Хозяину.

Я всмотрелась в изображение черных птиц на первых воротах: дикий блеск их глаз, длинные перья, крылья, веером расходившиеся в разные стороны, – и решительно прошла мимо.

Вторые ворота. Те же самые птицы, те же разинутые клювы и острые когти на лапах.

Я прошла мимо вторых, третьих, четвертых и пятых ворот. Хант считал их шепотом, и больше никто из моих спутников не проронил ни слова. Где-то высоко шумел ветер, у моих ног клубились ключья тумана.

На шестых воротах изображение воронов ничем не отличалось от остальных. Все точно такое же, кроме глаз. Или мне показалось?

Не было хищного блеска, наглости и уверенности в собственной силе. Умные железные глаза черных птиц смотрели прямо на меня так пристально, что на мгновение показалось, будто вороны живые.

Я переложила Посох из одной руки в другую медленно и неуверенно, и, когда тонкое древко проплыло мимо ворот, птицы вдруг сдвинулись. Чуть-чуть, еле заметно, но я уловила это движение.

Сжав Посох покрепче, я приблизилась к воротам и снова провела им перед собой, прошептав:

– Этот мир – не то, чем кажется...

Я желала увидеть их сущность.

И она предстала передо мной. Ворота вздрогнули и подернулись мелкой рябью. Их створки отошли от каменных стен, а вороны взмахнули крыльями, отделились от железного полотна, взлетели в небо и сделали круг над головой, после чего опустились мне на плечи.

Их острые коготки приятно покалывали кожу, напоминая об Иоко, а мягкие перья слегка щекотали уши и шею. Ворота стали прозрачными и совсем исчезли. Земля задрожала под моими ногами, и прямо из воздуха сами собой появились синие камни, складываясь в длинную дорожку, уводящую вдаль.

– Ворот на самом деле нет, – спокойно произнесла я. – Здесь было открыто, но вход сторожили заколдованные птицы.

Одна из них ласково потерлась о мою шею, и я мотнула головой, чтобы унять щекотку.

– Молодец, – улыбнулась Эви, – мы можем идти.

2

Наконец опустилась ночь, и черная, непроницаемая мгла поглотила стены города и лежавшую перед нами дорожку. Я привыкла путешествовать в темноте, но Туманная Зыбь была иной, не такой, как в других местах. У нее тоже имелась собственная история.

– Идем дальше? – осторожно поинтересовалась я у Эви. – У нас ведь мало времени.

– Да, надо торопиться, – согласно кивнула девочка, и цветы на ее венке засияли ярче.

Мой Посох тоже освещал темноту, так что мы могли видеть дорогу.

– Мне так и шагать с этими воронами на плечах? – недовольно спросила я.

Птицы мешали идти, и я понятия не имела, что с ними делать.

– Они как проводники, просто проведут нас и вернуться к Зыбким воротам. Они тоже зачарованы, как и все в этом месте, – пояснил Хант.

Один из воронов сорвался с моего плеча, сделал круг над нами и снова вернулся на место. А затем заговорил. Голос его оказался хриплым и тихим, но я разобрала слова.

– Только Проводники ходят этой дорогой. Они водят подопечных к Хозяину, а мы должны помогать им. Здесь много поворотов, и вам нужно выбрать верный путь. Мы укажем его, – проговорил ворон.

– Значит, вы все-таки служите Хозяину? – уточнила я.

Мне вдруг стали неприятны прикосновения заколдованных птиц, я повела плечами, будто мне больно, переложила Посох из одной руки в другую и, резко повернувшись, смахнула их с себя. Вороны взметнулись вверх черными кляксами, захлопали крыльями, но тут же вернулись на место.

– Мы будем рядом с тобой, – хрипло продолжала птица. – Так происходит всегда. Дорога пропустит тебя, только если мы будем на плечах. Кто твой подопечный? Кого ты ведешь к Хозяину? Мы видим только призраков, но не людей.

– Я сама иду к нему, – выдала я первую мысль, что пришла в голову. – Мой Проводник пропал.

– А кто твой Проводник? – не унимался ворон.

– Иоко.

Наступила тишина. Эви осторожно дотронулась до моей ладони и приложила палец к губам, как бы говоря, что я должна меньше болтать.

– Мы знаем Иоко, он водил нашей дорогой своих подопечных. Мы всегда приводили его туда, куда он желал: в убежище Агамы.

– Я тоже хочу попасть в это убежище. Вы укажете мне путь?

– Мы и без них знаем, как идти, – заметил насупленный Хант, который снова обзавелся рожками и угрожающе шелкал хвостом по каменной плитке.

– К Агаме ведет второй поворот справа, – охотно пояснил ворон, – сейчас нужно свернуть туда. Это будет до следующей ночи, а потом все изменится. Дорога Зыбких ворот меняется каждый вечер, и мы нужны вам, чтобы вы не сбились с пути.

– Что значит меняется? – не поняла я.

– Она двигается. Повороты, изгибы – каждый вечер она становится другой. Невозможно сосчитать все перекрестки на Зыбкой дороге, – продолжил ворон все так же хрипло и тихо.

А мы между тем двигались в темноте, единственными светлыми пятнами в которой были цветы на венке Эви и огонек на конце моего Посоха. По бокам от дорожки клубился серый туман, который еле заметно выделялся в ночи, и иногда я могла рассмотреть что-то похожее на стены домов, кованые решетки или высокие деревья, стоявшие в ряд. Только они не шелестели ветвями, не скрипели и вообще не издавали никаких звуков. Тишина вокруг стояла такая, что хриплый голос ворона отдавался эхом в густом тумане.

– А вы всегда знаете, куда повернуть? – зачем-то уточнила я, хотя и так было понятно, что птицы заколдованы и привязаны к Зыбкой дороге.

– Да, – спокойно согласился ворон.

Говорил только один из них, второй все время молчал и лишь время от времени переступал с лапы на лапу и царапал своими острыми когтями мое плечо.

– Зачем тебе столько призраков? – спросила птица, и слабое эхо тумана повторило ее вопрос.

– Они мне помогают, – коротко пояснила я.

– Иоко никогда не водил с собой призраков, – сказал ворон.

– А кого же он водил?

– Последний раз он провожал к Хозяину молодую девушку, почти такую же, как ты. У нее были длинные светлые волосы, светлые глаза и рюкзак за спиной. И такая же странная обувь, как у тебя, – птица рассказывала охотно и даже немного весело.

Или мне показалось?

– Он точно привел ее к Хозяину?

– Мы не знаем, да и не можем знать. Они шли по этой дороге, и мы показали нужный поворот к Последнему убежищу Агамы. Куда он двинулся дальше, нам неизвестно. Мы никогда не покидаем этого места.

– Потому что заколдованы?

Ответа не последовало.

Мой Иоко ходил этой дорогой и водил по ней людей. Девушку, которую выкрал из моего мира. Неужели он не пощадил ее и просто передал Хозяину? Действительно ли она не смогла достучаться до его сердца и разбудить в нем ничего человеческого?

Как же получилось, что мне удалось изменить Иоко, и вышло так, что черный колдун стал моим Хранителем?

Мы выбрались к развилке, где в четыре стороны разбегались тонкие каменные дорожки. Привычный указатель сообщал, что перед нами «перекресток», как будто без него никто не понял бы. Огонек моего Посоха выхватил из темноты огромный каменный валун, из которого был выточен ворон. Одна из тропинок огибала фигуру и скрывалась в темноте.

Вдоль той дороги, что пролежала перед нами, возвышалась каменная кладка – такая высокая, что было непонятно, башня это или просто стена. Она терялась в сером сумраке, неподвижная, темная, мрачная, и оставалось только догадываться, какие призраки обитают за ней.

Дорожка казалась безупречно ровной и гладкой. Я ступила на нее, и ворон на плече, тот самый, говорливый, тут же принялся направлять меня:

– К Агаме ведет второй поворот справа, то есть следующий. Сейчас иди прямо.

Я оглянулась на Эви, та спокойно кивнула и ободряюще улыбнулась.

– А что это за каменный ворон? – поинтересовалась я. – Вы бывали там, куда ведет эта тропа?

– Конечно. Мы там живем.

– Вы живете на воротах, – хмыкнула я.

– Ворота призрачны, их не существует. Они лишь призывают нас, когда нужно указать путь очередному Проводнику с подопечным. Мы привязаны к своему месту обитания, к дому, что находится за этим поворотом.

– А как вас можно расколдовать, знаете? – спросила я.

Я подумала о том, что мне уже удалось снять заклятие забвения с Иоко, то есть почти снять. Вместе с ним мы расколдовали Ходящего, справились с чайками и вообще сделали много чего необычного. Возможно, мне удастся снять заклятие и с этих птиц, и они станут нам помогать. Вдруг это тоже дети, которые на самом деле ни в чем не виноваты...

– Ты желаешь нам помочь? – встрепетулся ворон на моем плече. Его перья снова защекотали ухо, и я не удержалась, скинула птицу и принялась яростно растирать шею, ухо и плечо.

– Я постаралась бы, если бы ты так не царапал меня, – пробормотала я в ответ.

Вторая птица была гораздо осторожнее: от нее я не слышала ни звука. Она лишь медленно переступила, пряча коготки, и удобнее устроилась на другом плече.

– У тебя есть Посох – значит, ты можешь колдовать, – согласился говорливый ворон.

– Нам надо торопиться, – осторожно напомнила Эви. – Ты же помнишь, что мы нужны Иоко?

– Помню...

С тоской посмотрев на уходившую вперед дорогу, я оглянулась на развилку с каменным изваянием. Иоко нужна была помощь, я это знала. Вся моя душа изболелась от тревоги и страха, все мысли стали горькими, как воздух, которым была наполнена Туманная Зыбь. С каждым шагом, движением я надеялась на то, что приближаюсь к моему Проводнику.

– У тебя есть Посох Хранителя, ты можешь освободить нас, – снова прохрипел говорливый ворон и с наглой настойчивостью опустил на мое плечо. – Помоги нам. Это очень тяжело – все время сторожить ворота.

Что мне оставалось делать? Еще достаточно свежи были воспоминания о Храме Хранителей и ясно помнилось о том, что нужно быть милосердными.

Помог бы Иоко этим двум воронам?

Иоко – может, и нет, но Им-Сиан – непременно.

– Ладно, – тихо сказала я, – только не знаю, что должна делать.

– Всего-навсего пройти Воронью тропу и разрушить камень, в котором заключено наше заклятие.

– Это опасно, Со, – предупредила меня Эви.

– Да ну их к лусам! – тут же возмутился Хант и скорчил мерзкую рожу. – Пусть сидят себе на воротах! Если спасти каждую поганую птицу, то мы совсем застрянем в Туманной Зыби. Мы тут вам не спасатели!

Наверное, именно слова Ханта заставили меня решиться. Я посмотрела, как он скалит длинные белые клыки и злобно вращает глазами, вздохнула, сжала покрепче свой Посох и двинулась по каменной дорожке, огибавшей фигуру ворона.

– Ну вот, новые приключения, – вздохнул Лука, но больше ничего не добавил.

Его ведь тоже выручили мы с Иоко. Он все понимал.

3

Столько изваяний в виде птиц мне еще никогда не доводилось видеть. Огромные, выточенные из черного камня, они сидели вдоль дороги, пристально уставившись на нас неподвижными пустыми глазами. Мне все время казалось, что они наблюдают за нами.

Наш маленький отряд заметно уменьшился. Миес сказала, что не желает странствовать по тайным закоулкам Туманной Зыби.

– Проклятые это места, – тихо пояснила она. – Мы подождем вас на дороге. Если уверены, что нужно идти, – вперед.

Ее братья и лохматый мальчишка-чайка Тимай остались ждать на перекрестке.

Хант, услышав это, тут же заколебался, но Эви глянула на него так, что мальчишка-призрак моментально присмирел.

– Идешь с нами, ты знаешь, – тихо и решительно сказала она.

Что знал Хант, о чем эти двое успели договориться, я так и не поняла, но спрашивать не стала. Нас сопровождали незнакомые птицы, так что стоило помалкивать.

И мы зашагали по длинной узкой синей дорожке, которая петляла и вилась среди пригорков, словно веревка, брошенная как попало на землю. Я с двумя птицами на плечах, верный Лука, притихшая Эви и наглый, угрюмый Хант, даже не пытавшийся скрыть, как сильно не нравится ему это путешествие.

Серая мгла наконец расплзлась, и я смогла увидеть сам город. Он казался необычным и даже странным, и я не была уверена, можно ли считать его городом в прямом смысле этого слова. По обеим сторонам дорожки громоздились черные, неровно сколотые камни, как будто здесь бушевал великан, разбросав повсюду булыжники. Выше моего роста, острые и неприступные, они теснили дорожку так, что временами она сужалась до узкого прохода, в котором я пробиралась с трудом. Вороны на моих плечах вынуждены были подниматься в воздух.

Призракам, понятно, тесные проходы не являлись помехой, но Хант время от времени бурчал, что это «поганные места» и что «нам делать нечего, раз мы забрели сюда».

Неожиданно на одном из камней проступила голова ворона, искусно вырезанная из черной толщи. Она шелкнула выступающим клювом и чуть не ухватила меня за край плаща.

– Пошел вон! – буркнула Эви и стукнула камень ногой.

Голова тут же пропала. Говорливый ворон на моем плече выдал ряд хриплого карканья, от которого я поежилась, а Хант снова ругнулся.

– Безвременье за Воющим проливом становится особенно переменчивым, – задумчиво проговорила Эви, – не всему надо верить.

– Призрак верно говорит, – согласился ворон.

– Я не с тобой разговариваю, птица, – быстро ответила Эви.

Я ее поняла.

Совсем скоро камни закончились, и мы вышли на узкую, тесную улочку, где стояли такие странные дома, что я невольно открыла рот и задрала голову, стараясь рассмотреть их получше.

Вы видели фильм про Гарри Поттера? Помните, каким изобразили там домик семьи Рона? Этакая высокая деревянная халупа с нагроможденными кривыми этажами.

Передо мной предстало нечто похожее, но дома были сложены из камня. Каждый этаж у них походил на положенный как попало куб, углы нависали над дорожкой, и поддерживали их только квадратные колонны, на каждой из которых, конечно, были выбиты вороны в самых разных позах.

Но самым удивительным оказалось то, что в окошках домов горел свет, а из труб валил дым. Столько дыма мне еще видеть не приходилось. Он стелился над острыми треугольными крышами, тянулся к земле и опускался под самые ноги.

– Здешние повара готовят похлебку, – загадочно прохрипел мне в ухо ворон, – и нам нельзя их отвлекать. Пусть себе готовят.

– Что еще за похлебку? – не поняла я.

– Тсс! – Эви прижала палец к губам. – Тихо. Ты узнаешь.

– Вот наш дом. Мы залетаем в него через трубу, тебе же нужно войти в дверь. А для этого разбить камень. Только человек может сделать это, и тогда заклятие спадет, – сообщил ворон, взмыл в небо и камнем упал в узкую черную трубу, единственную на этой улице, из которой не валил дым.

Дом, принадлежащий двум воронам, теснился между двумя другими, у которых я насчитала три этажа и шесть труб. Он оказался одноэтажным, с крошечными круглыми окошками, в которых мерцал желтоватый свет, и высоченной треугольной крышей. Он весь был сложен из камней, и даже ставнями на окнах служили круглые каменные плиты.

Дверь, полукруглая, крепкая и очень тяжелая на вид, представляла собой огромный кусок черного камня. Ни ручки, ни дверного кольца, ни петель – ничего у нее не было. С первого взгляда стало ясно, что сдвинуть или открыть ее невозможно.

– Ладно, попробую, – пожалала я плечами и ударила по ней Посохом.

С дверью ничего не случилось, зато от резкого звона завибрировали каменные плиты под моими ногами.

Застучали двери соседних домов, и, увидев отсветы на дорожке, я обернулась.

Хант свистнул и тут же пропал.

На меня, Эви и Луку пялилось множество странных существ, лохматых, уродливых, сморщенных и сторбленных.

– Здешние тролли, – тихо проговорила Эви.

Глава 3

1

Голоса у троллей были низкими, а речь – быстрой. Звучало так, будто кто-то громыкает по дну железного ведра.

– Это еда, – проговорил ближайший тролль с торчащими лохматыми ушами. Края его ушей действительно покрывала шерсть, делая своего хозяина еще уродливее.

– Это хорошая еда, – тут же согласился второй, толстый и носатый. На одном глазу у него сидела здоровенная бородавка, и потому казалось, что тролль хитро щурится.

– Хватай девчонку и тащи в котел! Нам нужна хорошая похлебка! – крикнул еще один, и на меня кинулась толпа мерзких тварей.

Чьи-то когтистые пальцы схватили меня за руки, другие потянули за плечи, за волосы, и спустя мгновение я поняла, что иду, подтапливаемая сзади, к распахнутым дверям ближайшего дома. Все это действие сопровождали щипки и мерзкое повизгивание.

Посох остался лежать где-то у каменных дверей вороньего дома: кажется, я пока не научилась крепко держать оружие в руках.

– Пошли вон! – раздался крик за моей спиной, перекрыв ворчание и визжание троллей. – Быстро пошли вон!

Толстые пальцы троллей так крепко сжимали мои руки и плечи, что не было возможности оглянуться, поэтому я не видела говорившего. Но звонкий высокий голос принадлежал девушке, и в нем звучало столько ярости и властности, что тролли замерли. Их бурчание на миг умолкло, но тут же вспыхнуло с новой силой.

– Ниса... Это только она может быть. Но ее нет, давно нет! Ниса не станет трогать бедненьких троллей, – раздавалось со всех сторон.

– Ниса не станет трогать троллей... – повторил тот, что с бородавкой, и отпустил мою руку.

Воспользовавшись моментом, я подумала о Посохе – и он оказался в моей свободной ладони. Первых два мерзких создания тут же получили по голове крепкой палкой и отлетели к дверям, вереща и ругаясь. Поднявшись на ноги, я отбилась от остальных – их было трое или четверо, не могу сейчас вспомнить.

Посох действовал на них так, как прут – на овец. Тролли разлетались в стороны и быстро уползали, даже не пытаясь подняться на ноги. Каменные двери домов захлопывались одна за другой, и совсем скоро улица погрузилась в привычную тишину. Лишь дым из труб повалил еще гуще.

Я оглянулась.

У дверей вороньего дома стояла Эви, и цветочки на ее голове странным образом переплелись, образуя корону с зелеными зубцами и блестящими рубинами. Желтые же цветы напоминали алмазы, такие же прозрачные и солнечные, словно в них отразились капельки света, да так и застыли в переливающихся гранях.

Лицо Эви казалось строгим и серьезным, как будто ей было не семь лет, а все сорок семь.

Это она напугала троллей. И это ее тролли почему-то называли Нисой.

– Со, времени мало, – тихо проговорила девушка своим обычным голосом.

И я снова принялась стучать Посохом в каменную дверь вороньей хижины. Улица опять наполнилась гулким звоном, но на этот раз тролли боялись высовываться из своих домов.

2

Посох выбивал из камня крошечные искры, но сама дверь оставалась неподвижной и неприступной, сколько бы я ни ударяла по ней.

Появился Хант. Наверное, решил, что опасность миновала и можно уже не прятаться. Он посмотрел на меня склонив голову, после чего решил дать добрый совет:

– Ты колотишь так, будто орех пытаешься разбить. Но это не орех, а заклятие. Оно твердое, как камень, из которого сделана дверь, потому что обладает собственной силой. Тебе надо почувствовать ее и отыскать подсказку, как с ней справиться. А твоя сила связана с Посохом. Вот и подумай!

И Хант выразительно постучал по своей голове. Звук при этом получился такой, будто кто-то ударил поварешкой по пустой железной кастрюле.

– Он прав, – согласилась Эви.

Я покосилась на венец на ее макушке и вздохнула.

Что делать? Снова представлять, что двери на самом деле нет? Так вот она, настоящая, каменная и твердая, и о нее можно в кровь разбить кулаки. На ней изображены все те же вороны и сухие деревья без листьев и цветов – контуры пустых веток, над которыми кружат птичьи силуэты.

Камень вокруг дерева потрескался – сеть трещин была тонкой, как паутинка, и почти незаметной. Когда я провела пальцами, поверхность показалась шершавой и холодной, но в расщелинах мне почудилось странное тепло.

В тот же момент резьба на Посохе вспыхнула слабым светом – только сейчас древко покрывали не бабочки, а вьющиеся растения, множество веточек с листьями и цветами. Они горели, сияли и, казалось, даже двигались, словно им не терпелось обрести свободу, как совсем недавно – бабочкам.

Значит, сила и правда заключена в Посохе? Так пусть же переходит на дверь!

И, как только я об этом подумала, Посох ожил. Светящиеся нити призрачных растений потянулись с древка к холодному камню, оплели его, заискрились и засияли так ярко, что пришлось зажмуриться. Дверь низко и протяжно загудела, а свет от растений становился все сильнее и сильнее.

– Отходи! – закричал Хант.

Едва успев отскочить, я с удивлением увидела, как дверь рассыпалась на мелкие камни, и перед нами открылся проход, темный и дымный.

Наступила тишина, такая звонкая, что я невольно вздрогнула и крепче сжала Посох. От этого еще острее ощущалось произошедшее чудо, ведь я только что смогла разгадать еще один ребус Безвременья!

– Они свободны? – тихо спросила я и оглянулась на Эви.

Подруга казалась сосредоточенной и напряженной. Она сжала губы и кивнула. Корона на ее голове снова стала венцом, а платье из дерюги вдруг превратилось в длинный черный плащ с капюшоном.

– Пойдем, посмотрим на этих воронов, – сказала она и шагнула в темноту.

В лицо мне ударил запах горелых листьев и каменной пыли, затем из серой дымки показалась высокая фигура. Черноволосый, темноглазый парень смотрел на меня и улыбался. У него были белоснежная улыбка, смуглая кожа, низкие брови и крошечное колечко в ухе, а еще красивая синяя рубашка и того же цвета штаны.

– Ты сняла проклятие. Как мы можем тебя называть? – хрипло и немного смущенно проговорил он, сложив перед собой ладони и слегка поклонившись.

– София, – пролепетала я.

Мне не хотелось называть ему прозвище, которое мне дал Иоко. И я вдруг снова вспомнила о своем родимом пятне и обрадовалась, что его теперь почти не видно.

Он был красив, этот парень: волосы убраны назад, подбородок высоко поднят. В чуть прищуренных глазах читался вызов.

– София, позволь спросить тебя: из какого ты Вороньего Удела? Я не слышал, чтобы в последнее время здесь появлялись Хранительницы. Как такое может быть?

– Ты не слышал потому, что нет этого «последнего времени». Вообще нет времени, призрака, – почти прошипела Эви.

– Я – человек. А ты, мерзавка, пошла вон! – резко воскликнул незнакомец.

Я знала, что все Проводники ненавидят призраков, поэтому лишь, как обычно, поморщилась.

– Они со мной. Теперь ты и твой второй ворон свободны, а я могу идти дальше, к убежищу Агамы.

– Мы проводим тебя, – невозмутимо ответил парень. – Мой брат пойдет с нами. Мое имя Дан-Тиун, а его зовут Даг-Адмар.

– Вы проводите меня? – уточнила я.

– Безусловно. Следует торопиться, потому что совсем скоро дорожки наполнятся вороньем, – отрезал Дан-Тиун и решительно зашагал вперед.

Мне оставалось только следовать за ним.

3

Братья совсем не походили друг на друга. Даг-Адмар оказался невысоким и худым. У него были такие же черные волосы, которые свисали длинными сосульками, но худое и скуластое лицо делало его похожим на злого индейца.

Насколько красиво выглядел Дан, настолько отталкивающим был Даг.

Я сразу поняла, кто из них отличается говорливостью, – Дан шагал пружинистой походкой рядом со мной и все время что-то рассказывал. Он умел заинтересовать: его хриплый голос звучал мягко и приятно, а неторопливый говорок придавал словам особое очарование.

– Тролли появились из портала. Туманная Зыбь обладает сразу тремя порталами. Ты ведь знаешь, что это такое? Проход в другой мир. Когда-то эти самые порталы охраняли здешние Хранители, да только их время вышло, и теперь проходы свободны. Вот и шастает через них всякая тварь. Портал троллей мелкий и слабый, он не всегда работает. Бывает, там целыми ночами темно – никто им не пользуется. Он находится в арке Главного моста города – мрачное место. Иногда река выходит из берегов и затопляет его. Всякое бывает, да.

Он перевел дух и продолжил рассказ:

– Тролли мелкие и пакостные, приглянулись им как-то илистые гнилые берега здешней реки. Однажды они выбрались сюда, и было их столько, что мы с братом только диву давались. Удивлялись то есть. Перли точно стая хасов и за одну ночь заполнили несколько улиц. Захватили пустые дома, обосновались там и принялись ночами варить свою традиционную похлебку. Знаешь, из чего они ее варят? Из хасов, каменных мышей, гнилых водорослей и глины, которую копают под мостом. Мерзкое варево. Каждую ночь они его варят и едят. Тролли, одним словом.

Теперь, когда рядом со мной шли два самых настоящих человека, я почувствовала себя гораздо увереннее. Раньше мне помогал только Иоко: охранял, подсказывал и поддерживал.

Одиночество в чужом, опасном, заколдованном мире угнетало, тревожило и пугало. Но осознала я это только тогда, когда появились два черноволосых парня и один из них искренне заверил, что точно приведет меня туда, куда я желала прийти. Их присутствие почему-то успо-

каивало, и я даже попробовала преодолеть усталость, от которой ноги казались тяжелыми, а в голове гудело.

Я знала, что братья не были Проводниками, но, может быть, они происходили из Вороньего рода и обладали какими-нибудь чародейскими способностями?

На самом деле я ничего не знала о них, но ведь Иоко тоже был для меня чужим и странным. Когда-то, всего лишь с десяток дней и ночей назад, я думала, что мой Проводник жесток и бессердечен и человеческая жизнь для него – как горсть пыли. Но я ошибалась, потому что на моего Иоко было наложено чудовищное заклятие.

Кто знает, может, братья Дан и Даг тоже прокляты? У меня не было ответа, так что не стоило торопиться с выводами.

Эви же являла собой образец осторожности. Она искоса поглядывала на Дана, снизу вверх, часто моргала и иногда шмыгала носом, словно изображая несмышленного ребенка. Мол, глупый призрак, что с меня взять?..

Но парня не так просто было обмануть!

– Почему тролли назвали тебя Нисой, призрак? – резко спросил он, как будто эта мысль только что пришла ему в голову. Он даже остановился, и мне тоже пришлось встать посреди дороги.

– Сам у них спроси, – тихо пробормотала Эви и в тот же момент пропала из виду. Вслед за ней исчезли Хант и Лука. Я осталась абсолютно одна рядом с двумя незнакомыми людьми.

– Куда она делась? – не понял Дан, а Даг лишь нахмурился и зыркнул на меня исподлобья.

– Кто их разберет? Это призраки из города Ноом, просто увязались за нами. Они обычно натравливали городского дракона на всех подопечных Иоко, а в этот раз удалось с ними договориться. Вот теперь и шастают за нами. Разве запретишь? – как можно спокойнее объяснила я.

Я вспомнила предостережение Эви: не стоит выдавать все наши секреты.

– Так ты подопечная Иоко? – уточнил Дан.

– Да, – кивнула я.

– А Посох у тебя откуда? И где он сам?

– А черт его знает... – Я пожала плечами. – Столько всего случилось. Мы договорились встретиться в убежище Агамы.

– Тогда идем, – согласился Дан.

Глава 4

1

Ночь казалась бесконечной. Темнота, холод и усталость валили с ног, а отчаянье и тоска по Иоко словно сгущали окружающий мрак.

Хотя куда уж мрачнее, когда только свет Посоха и позволял нам видеть дорогу.

Дан шагал впереди, а я слишком утомилась, чтобы понимать, куда мы двигаемся. По-прежнему по бокам возвышались чудовищные нагромождения черных камней, о которые я время от времени царапала руки: так сильно они нависали над дорожкой. По-прежнему в небе отсутствовали знакомые и ставшие уже родными обе луны.

Даг плелся где-то сзади, молчаливый и угрюмый, и я слышала, как он тяжело шаркал ногами.

По всем моим подсчетам, мы вот-вот должны были выйти на главную синюю дорогу, которая вела к Агаме. «Второй правый поворот» – вспомнились слова Дана. В убежище я планировала немного отдохнуть, прежде чем отправиться выручать Иоко.

Но, к своему удивлению, вдруг обнаружила, что поднимаюсь по крутой лестнице, на кованых перилах которой свет Посоха выхватил привычные узоры с изображениями воронов.

– Куда мы идем? – я остановилась и оглянулась.

За моей спиной стоял невозмутимый Даг. Он сказал лишь два слова:

– Дан знает. – И вперил в меня угрюмый взгляд.

От блеска его глаз захотелось поежиться и спрятаться подальше.

Дан тут же оглянулся, и его лицо озарила добрая улыбка. Улыбаясь, он почему-то становился похожим на красивого храброго пирата.

– Тебе нужен отдых, – доброжелательно пояснил он. – Я подумал, что неплохо было бы разыскать Вороний Удел и отдохнуть там. Это ближе, чем дом Агамы.

– Это нас задержит, – растерянно пролепетала я.

– Ненамного. Тебе все равно надо отдохнуть, иначе вот-вот свалишься. Видела бы ты себя со стороны!

– Так ведь вороны этого Удела... – начала было я.

– Что с ними не так? – прервал меня Дан. – Я знаю, что там жили люди, которые потом превратились в воронов, но эти птицы спят по ночам и поэтому неопасны. А для того, кто обладает Посохом, они вообще не угроза.

– Эви говорила другое...

– Кто такая Эви? Тот призрак, что желал натравить на вас дракона? Не верь призракам, София! Это первое правило здешних мест: никогда не верить призракам, троллям и птицам.

– Кому же тогда верить?

– Людям, – сказал Дан и снова улыбнулся.

Поднимались мы долго. Оказалось, что лестница вырублена в скале и ведет к каменной стене, которую я могла видеть с корабля. Высокий и надежный парапет еще недавно защищал от дующего с моря ветра, но сейчас ничто не могло укрыть нас от дождя, поэтому мы мокли. Вернее, мокли братья, а я надвинула как можно ниже капюшон плаща Иоко и старалась обходить лужи, чтобы не намочить кеды.

Мы прошли совсем немного вдоль стены и попали на площадку перед высокой узкой башней, стрельчатые окна которой слабо светились в темноте.

Не могу теперь сказать, что насторожило меня в тот момент: то ли угрюмое лицо Дага, то ли своеволие Дана, который решил привести меня туда, куда я не просила. Но Посох я держала крепко, поэтому, когда жилистый и костлявый Даг прыгнул на меня сзади, а его брат, раскинув руки, изо всех сил заорал: «Привел!» – я не упустила момент.

Слегка присев и развернувшись, я одним движением сбила с ног молчаливого брата, хорошенько врезала ему по голове и наставила на Дана появившееся на конце Посоха лезвие.

Мое оружие опасно светилось в темноте, а стена позади не давала возможности Дану избежать удара.

Впрочем, он и не старался, потому что в ответ на его громкий вопль откуда-то с крыши башни на нас опустилась черная как ночь стая воронья.

Птицы были огромными: их крылья закрывали огни башни, зубцы стен и ухмылявшееся лицо Дана. Клювы были так сильны, что, когда они вцепились в меня, пытаясь схватить, на руках тут же появились рубцы и царапины. Первой мыслью было закрыться – спрятать ладонями хотя бы лицо. Но я все еще держала Посох, и он светился, призывая к битве. Он рвался в бой, и, сжав его крепче, я ударила.

Не в первый раз мне приходилось сражаться за свою жизнь. Злость захлестывала меня, оставалось лишь дать ей выход. Острый клинок Посоха рубил без устали, и птицы заливали стену кровью.

Конечно, я не владела оружием настолько виртуозно, чтобы за пару минут раскидать всех врагов. Возможно, даже моему Проводнику это оказалось бы не под силу. Но я не подпускала воронов к голове, и их крепкие большие клювы уже не могли причинить мне серьезного вреда.

Я махала Посохом, выбивалась из сил, но птичьей стае не видно было конца.

Темная верхушка башни грозно взирала на меня множеством огней, на фоне которых мелькали черные крылья. Время от времени наглый Дан отпускал глупые шуточки, но приблизиться не решался.

– Хорошую подопечную нашел себе Иоко, ничего не скажешь, – усмехался парень, которого я совсем недавно расколдовала. – Машет украденным Посохом, как мельница – крыльями.

Руки уже начали дрожать, а колени – подгибаться. Рана на запястье правой руки кровоточила, заливая кровью плащ Иоко и древко Посоха. Я пятилась, пытаясь отбиться, но что я могла против такой стаи воронов?

Сделав еще один шаг назад, я споткнулась: в темноте невозможно было разглядеть, что мешалось под ногами. Обессилев, рухнула на колени, подняла вверх Посох, отбиваясь от очередной парочки хищных птиц, и подумала, что не успею спасти Иоко. Не сумею освободить Безвременье, да и домой, в свой мир, тоже не вернусь. Погибну тут, у стены, растерзанная бесчисленным вороньем, бороться с которым уже не было сил.

Лишь краем глаза я успела ухватить золотисто-красное свечение, как воздух наполнился вдруг нежным запахом цветов. Темнота заискрилась, засияла всполохами золота и пурпура, и в гущу птиц врезался еще один Посох.

Мои усталые руки опустились, и, вытирая со лба кровь и пот, я прищурилась, стараясь понять, кому принадлежит тонкое древко с двумя сверкающими лезвиями по краям. Владелец этого оружия умел сражаться, он не делал ни одного лишнего движения. Посох почти не двигался – он словно застыл, окруженный тучей птиц, но огненные всполохи убивали одного ворона за другим. Воздух звенел, искрился и впитывал в себя диковинный свет.

Но расслабляться не стоило. Даг, который до этого молча наблюдал за битвой, вдруг кинулся ко мне со скоростью волка и сдернул с плеч рюкзак. Прежде чем я успела поднять Посох, он огрел меня чем-то тяжелым по голове.

Проваливаясь в звенящее забытие, я услышала звонкий голос, полный власти и ярости:

– Хант, не смей уходить! Сегодня ты сражаешься, Хант!

– Почему это? – Голос друга ни капли не изменился, звучал все так же нагло и возмущенно.

– Потому что ты вырос! Ты уже взрослый! – проговорила девушка, державшая в руке золотой Посох.

Я увидела ее силуэт, то, как сияют камни маленького венца на голове, и почему-то подумала про Эви, а затем потеряла сознание.

Вскоре я очнулась. Битва затихала, становясь все менее яростной.

Спину холодили камни стены, на которую я опиралась, в руке все еще теплело древко моего оружия. Приподнявшись на локтях, я увидела светловолосую девушку, чьи заплетенные во множество косичек волосы спускались до поясницы. Кто эта спасительница, так храбро защитившая меня? И откуда у нее такой удивительный Посох?

Дан не осмеливался напасть, он пятился и возмущенно тарачился на девушку.

– Что уставился? – грубо спросила она, ловким движением отшвырнув последнюю, самую наглую птицу. Остатки стаи улетали, громко шурша крыльями.

– Я знаю тебя, – проговорил Дан и выразительно поднял одну бровь. – Ты – Ниса, Хранительница с другого мира. Про твой Посох слагали много легенд.

– Какая тебе разница, звереныш? – проговорила она и так посмотрела на парня, что тот снова попятился.

– Никакой. Говорили, что ты стала водой и утекла с водопадами. А Иоко стал оборотнем и призраком. Но, видимо, врал, да?

– Отдай мне рюкзак Софии, – приказала ему Ниса и угрожающе навела на него Посох.

Дан дернул плечом и кинул украденную вещь на каменный пол.

Откуда у него мой рюкзак? И где Даг?

Приподнявшись, я оглянулась и не увидела Ханта. Вместо него у стены стоял высокий парень с черной маленькой бородкой и убранными в хвост волосами. Он почесывал время от времени подбородок и морщился. Дага тоже нигде не было.

– Мы уходим. Мы не причинили вам вреда. Во всем виновата ваша подопечная. Нельзя быть такой добренькой и освобождать всех воронов подряд, – ухмыльнулся Дан и сделал несколько шагов к башне.

– Вали уже, проповедник, – буркнул чернобородый парень, – а не то и ты отправишься вслед за братцем, купаться в реке.

– Не дотянешься, призрак. Неважно, какую внешность ты принимаешь, ты – никто, и я тебя не боюсь, – презрительно проговорил Дан.

– Зато меня боишься, – сказала Ниса, и ее мелодичный голос наполнил пространство музыкой власти и силы.

– Ниса... тебя тут все боятся. Но Хозяин и до тебя доберется.

Дан повернулся и скрылся за темной металлической дверью башни.

– Со, ты можешь встать? – спросила Ниса и приблизилась ко мне. – Поднимайся. Пора двигаться дальше.

2

Глаза Нисы немного напоминали Эви: такие же голубые и невозмутимые. Все остальное в облике девушки с золотистыми волосами было другим – поразительно красивым и невероятно впечатляющим.

Тонкие косички струились по плечам и спине, каждую перехватывала тонкая лента с крошечными деревянными бусинами. На гибких запястьях поблескивали золотые браслеты, на груди жемчужным светом сияло ожерелье из маленьких ракушек.

Высокая, статная и сильная, Ниса казалась королевой. Неудивительно, что Хант во всем ее слушался.

События после битвы остались в моей голове смутным туманным облаком. Я помню, как Хант нес меня, но невозможно было почувствовать прикосновение его сильных рук. Помню, как меня обдавало горьким пепельным ветром, кружилась голова и слипались глаза.

Помню, что Ниса отдавала строгие распоряжения, указывая, куда поворачивать. Запомнился испуганный голос Лукаса, спрашивавшего, жива ли я и что случилось. Но все смутно и неясно, как будто через густую туманную пелену, полную горечи и мрака.

Остановились мы, только выбравшись на синюю дорожку у того самого валуна с каменным изваянием ворона. Там Хант и опустил меня на траву, осторожно, мягко и нежно. И его руки, которых я не могла почувствовать, еще долго придерживали меня за плечи.

И как только у призраков так получается?

– Кто вы такие? – возмутилась Миес и тут же встала рядом со мной, готовая защитить.

– Тсс! – Хант прижал палец к губам, поднял брови и виновато улыбнулся. – Здесь лучше не шуметь.

– Миес, ты должна была догадаться, – проговорила Ниса и опустилась на камень рядом со мной. – Не хотелось, конечно, раньше времени показывать свой облик, но что поделать. Два заколдованных ворона превратились в двух паршивцев, от которых пришлось оборонять Со.

– О чем я должна была догадаться: что знаменитая Хранительница с Прозрачных Островов Ниса стала призраком и притворяется маленькой девочкой? – Миес пожалла плечами. – Об этом никто не догадался бы, ты удачно скрывалась. А это кто?

Миес мотнула головой в сторону Ханта и уперла кулаки в бока.

Ниса не ответила. Она открыла мой рюкзак, ловко управившись с молниями, и велела мне найти средство от ран. Совет был дельным, я вытащила бетадин и вату, а затем оглядела свои руки.

– Ничего страшного, – успокоил меня Хант, – это все заживет за пару дней. Можно сказать, что ты легко отделалась.

– Ничего себе легко! – тут же возмутился Лукас. – Ты видел, сколько у нее на руках ран и синяков?

– А чего ты хотел? Ей пришлось сражаться против стаи птиц.

– Так расскажите, – попросил Лукас. – И ты еще не объяснил, кто такой и откуда взялся. Ты был заколдованным вороном, что ли?

– Дурацкое предположение, – покачал головой Хант. – Вон, Эви тебе скажет. – И он улыбнулся, демонстрируя ровные белые зубы.

– Да Хант это, – вздохнула Ниса. – Я была Эви, а он был и остается Хантом. Мы ведь давно не дети и можем принимать любой облик, какой пожелаем. Я приняла свой настоящий и сейчас такая, какой меня всегда знал Иоко. Это ведь *мы* вместе с ним закрывали когда-то портал в мир Прозрачных островов.

– Как же тогда Иоко тебя не узнал? Он ведь могущественный колдун, – удивился Лука и снова сочувственно окинул взглядом мои израненные руки.

– Меня никто и не должен был узнать. Но теперь в Безвременье в курсе, что объявилась Ниса, а Иоко вспомнил прошлое. Хозяин соберет все свои силы. И если раньше мы путешествовали спокойно и не отбивались от полчищ воронья и мертвяков, то теперь нам будет нелегко.

– Мертвяков? – нахмурился Лука.

– Лучше не здесь об этом болтать. – Хант поднялся и оглядел нас по-хозяйски, таким уверенным взглядом сильного и умного мужчины, который точно знает, что делать. – Нам следует как можно быстрее выбраться из Туманной Зыби. Близится утро, и времени у нас мало.

– Тут нет времени, – хмыкнула Миес, – так что утро может наступить нескоро, а может – прямо сейчас. У Со вряд ли получится идти самостоятельно – скорее всего, она и шагу не сможет ступить.

– Я понесу ее, – заверил Хант.

Мне было невероятно сложно привыкнуть к его новому облику: без хвостов, пяточков и рожек. Казалось, что это не прежний хулиганистый мальчишка стоит рядом, а чужой, сильный и незнакомый мужчина. Куда подевались его веснушки и оттопыренные уши? Короткая щетинистая бородка, черные брови и хитро прищуренные темные глаза делали его невероятно привлекательным, и от этого я еще больше терялась.

– Я понесу ее, а ты, Эви, обработай раны Со, – попросил он.

Он называл Нису ее прежним именем, и это тоже казалось непривычным. Дети-призраки вызывали у меня жалость и стремление помочь и защитить. А теперь, выходит, это Ниса защищает меня, а Хант ей помогает?

– Давай займемся твоими руками, Со, – нежно проговорила Ниса, и я еще раз изумилась ее музыкальному, глубокому и необычному голосу. – Эти раны не опасны. Говоришь, что у тебя есть лекарства вашего мира? Давай попробуем. Я не стану пользоваться силой жизни в этом месте: мы сразу привлечем к себе внимание – а еще одного боя с вороньем нам тут не нужно. Так что давай просто смажем рубцы и двинемся в путь.

Я смазала неглубокие царапины, а ссадины трогать не стала – с этим придется подождать. Хорошо хоть моя кровь всегда отличалась хорошей свертываемостью, и раны быстро перестали кровить. С пальцами оказалось все в порядке, и я могла ими двигать. Укладывая лекарства в рюкзак, я решила достать чистую рубашку, открыла большой карман и замерла, растерянно уставившись на его содержимое.

– Ниса... – пробормотала я и подняла на девушку озадаченный взгляд.

– Что случилось? – спросила она.

– Карты Безвременья пропали. Тетради нет!

– Посмотри получше, – тут же посоветовал Хант.

– Их нет, – ответила я, вытряхнув на камни все свои вещи.

Вот книга о рабах, вот – о лекарственных травах и съедобных растениях. В следующем кармашке находились принадлежности для рисования и альбомы – все в целости и невредимости. А вот заветной тетради с картами не было.

– Что тут удивляться? Ее вытащил тот паршивец, набросившийся на тебя сзади, Со, которого я выкинул в реку. Точно он!

– Или Дан. Как рюкзак оказался у него? – спросила я.

– Как только ты упала и ударилась головой, младший перекинул рюкзак старшему, – пояснил Хант.

– Неважно, кто из них вытащил. Мы не заметили потому, что сражались с воронами, – устало проговорила Ниса. – Главное – теперь все те изречения, что мы собрали, оказались у Хозяина. Конечно, он знает, где спрятано время. Но теперь ему известно, что и мы знаем.

– Я, наверное, не вспомню всего, что мы нашли... – растерянно проговорила я.

– Мы помним, – заверила Миес. – Пусть теперь Хозяин нас боится.

Хант лишь покачал головой. Я посмотрела на него, смутно надеясь, что он сейчас скорчит жуткую рожу, но взрослый Хант оставался серьезным и таким... обыкновенным.

– Пошли, девчонки и мальчишки, – сказал он и легко подхватил меня на руки. – Лукас, собери вещи в рюкзак, нам нужно торопиться.

3

Впереди шагала Ниса. Высокая, сильная и невероятно красивая, она словно разгоняла тьму, и клубящийся под ногами серый туман расплзался, стоило ей поставить на каменные плиты свой Посох.

Изящный венец на ее голове тоже сиял, мягко и нежно, и я чувствовала, как мной овладевает спокойствие. Все-таки гораздо лучше путешествовать по проклятым городам в обществе сильных и взрослых друзей, чем отвечать за маленьких детей, даже если эти дети – призраки.

Я устала.

Так устала, что больно было открывать глаза. Царапины на руках горели, синяки болели. Ноги будто налились свинцом, даже двигать ими было тяжело. Так что я не стала сопротивляться сну, закрыла глаза, и дремота охватила меня плотным теплым одеялом.

От Ханта веяло теплом. Как это могло быть, я не понимала, потому что грудь и плечи его оставались грудью и плечами призрака. Моя голова погружалась в эту призрачность, и прислонить ее к плечу своего друга я не могла.

Тем не менее он нес меня, и это было так, словно сам воздух вдруг превратился в матрас, удобный и надежный. Я дремала в невесомых объятиях, и лишь пальцы мои крепко сжимали Посох.

Теперь я уже знала, что оружие свое нельзя выпускать из рук. Ни в коем случае нельзя терять Посох!

Где-то сзади нас негромко переговаривались мальчики: Шторм, Тимай и Ветер. Мне оставалось только догадываться, как на самом деле выглядят эти трое, ведь они, оказывается, давно взрослые, сильные парни! Самыми младшими в нашей компании были я и Лука, и нас, видимо, оберегали.

Хотя раньше это делал Иоко... Теперь его нет, и Ниса взяла на себя роль Хранительницы.

Мне хотелось узнать о ней как можно больше, ведь она знала о прошлом Безвременья столько всего, что рассказов хватило бы на несколько вечеров. Но захочет ли Ниса рассказывать?

Наше спокойное и даже уютное путешествие прервал низкий горловой вой, от которого я открыла глаза и подскочила. Вокруг все еще стояла кромешная тьма, но теперь казалось, что окружающий мрак обрел голос и завывает на все лады, пытаясь запугать нас.

– Что это? – тихо проговорил Лука.

– Атака. – Хант был краток.

– Не останавливайтесь, – велела Ниса.

Вой усилился, и с неба на наш отряд обрушилась стая воронов. Птиц было столько, что они закрыли собой все, что было вокруг.

Тимай пронзительно и тонко закричал, Лука тоже вскрикнул.

Вокруг закутулись клубы сизого дыма, от которого сильно потянуло гарью.

Хант поставил меня на ноги, и мне тут же пришлось отбиваться от нападавших птиц. У моего друга не было Посоха, но он быстро нашел выход из положения. Коротко и зло ругнувшись, он вдруг изменился. Снова появился хвост, только на этот раз гораздо мощнее и длиннее. Выросли рога, а голова увеличилась.

Я и ойкнуть не успела, как Хант принял облик дракона и начал рвать наглых воронов зубами так, словно они были для него пищей.

Наши спутники-призраки исчезли, у них не было возможности сражаться. Остались только Ниса, Лука, Хант-дракон и я.

Не знаю, выдержала бы я это сражение, если бы не огромный Хант, закрывавший от всех атак. Вороны не успевали долететь до меня, как дракон сжирал их, при этом мотал головой, бил хвостом и создавал столько шума, что я в конце концов опустила Посох, наблюдая за битвой.

Ниса тоже не стояла без дела, но ее оружие отличалось от моего. Оно то появлялось из воздуха, сияя во тьме, то исчезало, становясь почти прозрачным. Ее Посох бил без промаха и двигался в воздухе сам по себе, словно обладал собственной волей.

Едва мы разобрались со стаей воронов – и мне вспоминается, что не уцелела ни одна птица, – как взошло солнце. Быстро, без предварительного рассвета, без багряных лучей восхода. Просто в Туманной Зыби вдруг стало светло, и над нашей головой показалось серое, угрюмое, холодное небо, от которого по коже побежали мурашки.

Мстительно пройдясь когтистыми лапами по тушкам мертвых птиц, Хант быстро вернул себе облик черноволосого парня и первым делом спросил у Нисы, когда мы все наконец позавтракаем.

– Сражались всю ночь, можно бы и поесть, – пояснил он.

Услышав это, я не сдержала улыбки. В некоторых моментах Хант оставался прежним, и мне почему-то это нравилось.

– Дорога изменится, – устало сказала Ниса, – и теперь второй правый поворот не ведет к Агаме. Мы не знаем, куда идти. Придется наведаться в Вороний Удел, чтобы найти верный путь, там и поедим. Это недалеко, я знаю, как туда добраться.

Хант подхватил меня на руки и поинтересовался, как нас найдут остальные призраки.

– Найдут. Сам знаешь, как это делается. Идем, – распорядилась Ниса и двинулась вперед. Ее Посох по-прежнему сиял золотисто-пурпурным светом.

Глава 5

1

– Попасть в Вороний Удел можно только через портал, другого пути нет. Для нас, по крайней мере. Башня, которую можно увидеть прямо отсюда, – вон она, острая и высокая, с четырьмя жуткими каменными воронами по краям, – принадлежит слугам Хозяина. Тамошнее воронье сожрет нас живьем, и лучше не соваться к ним, – пояснила Ниса.

– Что тогда делать? – непонимающе проговорила я.

– Нам надо пройти через портал. Тогда мы попадем в скрытую башню, которую сейчас не видно. Там нам помогут. Наверное, – добавила Ниса.

Не стоило спрашивать, почему так. Я догадалась, что все, кто когда-то противостоял Хозяину и его слугам, сейчас прячутся, скрываются от вездесущих воронов, меняют облик и надеются на то, что однажды придут лучшие времена.

Но, чтобы они пришли, нужно сначала освободить время и вернуть его в этот мир. Не так-то просто это сделать...

Дальше мы двигались молча, и каменная дорожка под нашими ногами извивалась как змея. Она петляла, огибая одинокие и пустые башни, спускалась в узкие лощины, где остатки каменных стен возвышались до самых облаков, и поднималась к тонким ажурным каменным мостам.

– Ты знаешь, где портал? – спросил Хант.

Он все так же нес меня на руках и шагал без усталости, словно я не имела никакого веса.

– Конечно. Я знаю Туманную Зыбь, – завершила его Ниса.

Видимо, она была осведомлена больше других, и нам с Хантом оставалось лишь следовать за ней.

Внезапно Ниса свернула за угол высоченной башни, и дорожка из синего камня осталась за нашими спинами. Хант ступил вслед за Хранительницей на серый булыжник, которым была выложена площадка перед старым, покрытым пылью и копотью зданием. Где-то сбоку скрипнули ржавые ворота, и под самые ноги Ханта опустился засохший лист дерева.

У каменных развалов, где сколотые и обглоданные временем кирпичи покрывались серой пылью, похожей на пепел, показалась лохматая голова маленького тролля. Сверкнули хитрые глазки-бусины, дернулся круглый, похожий на картошку нос, и существо хихикнуло.

– Ниса, мы тебя видим, – пропищал тролль и тут же пропал за кирпичной кладкой.

– Поганцы, – прошипел Хант, но Ниса не обратила на существо никакого внимания.

Она остановилась посередине площади, оглянулась, подняла Посох и вздохнула.

– Видимо, пора, – тихо проговорила она. – Настало время распечатать портал в Вороний Удел.

Она повернулась и подошла к покосившейся железной створке. За проржавевшим узором, покрывавшим погнутые ворота, возвышались темные деревья, на ветках которых не было ни одного листочка. Голые ветки неподвижно замерли на фоне низкого серого неба.

– Отбросьте тень, – велела Ниса.

Наверное, ее приказ относился к ржавым створкам.

Свет от ее разноцветного Посоха мгновенно залил булыжники площадки, осветил рыжую ржавчину и заплескал на каждом завитке в диковинном железном узоре. Тень легла на пыльную землю, и мы с Хантом увидели в ней необыкновенно красивые ворота. Словно призрачное отражение, перед нами возник совершенный образ дверцы с искусным переплетением линий.

– Теперь можно идти, – сказала Ниса и толкнула уродливую створку настоящих ворот. Тень на земле поползла в сторону, открывая проход, и мы вошли.

Перед моим лицом засияли яркие всполохи, запахло вдруг прохладной росой и еловыми шишками, и грязная туманная пелена, что тянулась с самого неба, пропала. Как будто грязное оконное стекло протерли тряпкой с чистящим средством или с оконного проема вдруг убрали серую штору – настолько ярким и невероятным предстал передо мной мир настоящего Вороньего Удела.

Тут же рядом с нами появились остальные наши спутники: Миес и ее братья, Тимай и Лука. Ворота радостно и звонко скрипнули, пропуская нашу компанию, и закрылись. Сияние прекратилось, и портал перестал работать.

– Это место спрятали от Хозяина, да? – уточнила Миес, хотя все и так было понятно.

– Это место ждало нас, – ответила Ниса. – Мы должны были сюда прийти. Так было предсказано незадолго до того, как Хозяин прибрал к рукам Мир Синих Трав. Добро пожаловать в дом к Вороньей Матери!

2

Даша Костикова появилась у нас в пятом классе. Невысокая, светленькая и тихая, она зашла бочком, встала у крайнего ряда парт и уставилась в пол. В ней не было ничего выдающегося или замечательного, кроме очков.

«Подумаешь, очки!» – скажете вы. Кого сейчас удивишь очками?

Но Дашины приспособления для зрения как раз и были ее особенностью, вроде моего родимого пятна. Девочка видела очень плохо, и потому утолщенные линзы ее очков слишком увеличивали глаза. Получались прямо-таки глазища, серые, с черными стрелками ресниц, беспомощные. Этот растерянный взгляд делал Дашу похожей на крота или на гнома – не могу точно сказать.

Она переминалась с ноги на ногу и упрямо разглядывала потертый линолеум, словно вдруг узрела в его трещинах диковинные картины.

– Знакомьтесь, это ваша новенькая, Даша Костикова. Садись, Дарья. – Математичка в тот день была скупа на комментарии.

– А где? – еле слышно пролепетала новенькая, упорно продолжая таращиться в пол.

– Где видишь свободное место, там и садись, – щедро распорядилась учительница.

Свободное место было только рядом со мной. В пятом классе меня все еще дразнили Страхолюдиной, хотя в глаза так уже не называли. Детское прозвище постепенно блекло и терялось в школьных буднях, и временами даже появлялась надежда, что меня наконец посчитают своей.

Даша оторвалась от впечатлившего ее линолеума и взглянула на парты и множество детских голов, поднимавшихся над ними. Посмотрела растерянно и грустно – видимо, ей не сразу удалось разглядеть свободное место. Но очки, скорее всего, здорово помогли ей видеть предметы вдалеке, потому что, уставившись на мое лицо, она заколебалась, открыла рот, потом снова закрыла и сделала два неуверенных шага куда-то в сторону.

В сторону двери.

Кто его знает, может, она подумала, что на моей щеке разрасталась какая-то заразная болезнь вроде стригучего лишая?

– Глазастик, свободное место только рядом с Мисниковой! – бодро крикнул Терещенко, светловолосый, низкорослый мальчишка, худющий, но с крепкими и быстрыми кулаками.

– Давай, Глазастик, Миска не страшная! – бодро добавил его сосед по парте, и они оба захохотали. Впрочем, учительница тут же решила помочь Даше.

Она прикрикнула на неугомонных весельчаков и посоветовала девочке пройти в конец класса и сесть рядом со мной. И еще пообещала, что наш классный руководитель что-то придумает насчет ее постоянного места.

И вот Даша двинулась в мою сторону. Она упорно продолжала тарашиться себе под ноги, а ее плечи то поднимались, то опускались, словно их владелица пыталась собраться с силами. Наконец она устроилась рядом, но отодвинулась от меня как можно дальше. Я тоже не горела желанием общаться с девочкой, у которой глаза жили немного отдельно от лица.

На перемене ей задали жару.

– Глазастик, дай поносить очки!

– Глазастик, ты звезды можешь рассмотреть в свои телескопы?

И так далее. Фантазия моих одноклассников не знала границ, в этом я давно смогла убедиться.

Даша молчала, краснела, пыхла, а потом и вовсе закрыла лицо руками.

Я молчала. Если честно, я наконец смогла расслабиться. Сегодня подшучивали не надо мной.

Желала ли я подружиться с Дашей? Нет. Потому что страстно и горячо надеялась стать нормальной и дружить с такими же нормальными ребятами. Меня и свои-то особенности пугали, что уж говорить про чужие. И потому я отсидела оставшиеся уроки, не сказав Даше ни слова. Лишь когда прозвенел звонок с последнего урока, я рывком вытащила из-под парты рюкзак и решительно проговорила:

– Пропусти меня, Глазастик.

Надо признать, в тот момент я чувствовала мерзкое удовлетворение, что сама могу сказать кому-то гадость, и ничего не могла поделать с этим чувством.

Даша Костикова в нашу школу больше не приходила. Говорили, что родители перевели ее в другую. Мои одноклассники даже не вспомнили про незадачливую девочку в больших очках, все слишком быстро вернулось на круги своя, и мне дали новое прозвище – стали называть Пятнистой.

Я почему-то вспомнила эту старую детскую историю, проснувшись в темной прохладной комнате. Вокруг стоял мягкий сумрак, разгоняемый светом множества толстых свечей, где-то недалеко потрескивали дрова в камине, распространяя запах смолы и древесной коры, а под моими пальцами находилось мягкое ворсистое одеяло.

Видимо, я долго спала, но, несмотря на продолжительный отдых, в голове все еще пульсировала боль, отдаваясь слабым покалыванием в висках.

Я села, одернула клетчатую рубашку и спустила ноги на пол. Джинсы покрылись пятнами и нуждались в стирке, как и плащ Иоко, сложенный на стуле с высокой резной спинкой. Машинально протянув руку, я подумала о Посохе и тут же ощутила тонкую резную палку в своих пальцах.

Что ж, стирать вещи с помощью Посоха я уже умела и отлично с этим справилась. Потом натянула джинсы, накинула плащ и прошлепала по каменному полу к створчатым дверям.

Все в этой комнате казалось темным, старинным и уютным. На каменных стенах поблескивали лаковые деревянные панели, украшенные по верху неизменной резьбой с воронами. Частый переплет на окнах пропускал мягкий лунный свет, серебривший каменные подоконники.

Шаги мои звучали гулко, пространство под высоким потолком неустанно повторяло каждое прикосновение подошв к каменному полу – и это были единственные звуки, что я слышала в пустой комнате, не считая мягкого потрескивания дров в камине.

Как было бы хорошо, если бы около огня сидел Иоко и творил свое привычное волшебство: пирог с рыбой или еще что-то в этом роде. Он бы повернул голову и глянул на меня пристально и проникновенно, как умел только он, и я снова почувствовала бы себя защищенной.

Всю мою сущность пронзила боль потери, потому что разум безжалостно напомнил, что Иоко далеко. Добраться до него я не могла, да и не представляла, как. Достоинно сражаться за него тоже вряд ли получилось бы. И все, что осталось у меня от любимого парня, – это плащ, теплый, непромокаемый, согревавший меня долгими ночами странствий.

Как мне выручить Иоко? Как найти его в этом проклятом и чужом Безвременье, где все меняется каждый час, где невозможно разобраться, кто друг, а кто враг?

И куда это, интересно, подевались мои друзья-призраки? Где Хант? Где Ниса-Эви, Лука, Тимай, Миес и ее братья?

Комната, в которой я спала, больше походила на зал. Кровать находилась в самой середине – здоровенная, деревянная, с темно-красным, точно выдержанное вино, пологом, с мягкими одеялами из овчины и высокими подушками, наволочки которых покрывала искусная диковинная вышивка.

Камин с пылающими дровами располагался в противоположном конце, и до меня его тепло не доходило. Впрочем, в комнате не было холодно.

А высокая стрельчатая дверь с двумя створками находилась передо мной и вроде бы казалась близко, но все равно пришлось сделать с десяток шагов, прежде чем я смогла коснуться холодной ручки из темной меди. С этой ручки на меня тарасился ворон с пронизательным взглядом, и я невольно отдернула пальцы, вспомнив птичьи силуэты на Зыбкой двери. Он вдруг усмехнулся и подмигнул мне медным глазом, отчего я вздрогнула и выставила перед собой Посох.

– Ты не посмотрелась в зеркало, – проговорил вдруг он, и его голос показался настойчивым, с нотками металла.

Еще ни разу в жизни мне не приходилось разговаривать с дверными ручками!

Я растерялась, уставилась на очередное здешнее чудо, протерла глаза, дотронулась до двери Посохом и пробормотала первое, что пришло в голову:

– Тебя не существует. Ты – не то, чем кажешься.

– Я ручка двери, а ты – глупая девочка! – хрипло каркнул ворон и снова подмигнул мне блестящим глазом.

Надо заметить, выпуклая воронья голова на медном колпачке, начищенном до блеска, казалась верхом искусства.

– Тогда зачем тебе разговаривать со мной, если ты ручка двери? – собралась я наконец с мыслями.

– Скучно, знаешь ли, висеть тут без всякого дела. Последний раз в этой комнате ночевали очень давно. Больше тридцати лет назад здесь спал Им-Сиан, один из лучших представителей Вороньего рода, на этой самой кровати, и мы обогрели его, лечили его раны.

– Иоко спал тут тридцать лет назад? – Я уловила только эту информацию и уже тарасилась на ручку так, словно общалась с живым человеком.

– Если быть точным, то тридцать два года и пять месяцев назад, – с готовностью сообщила воронья голова.

– Ты врешь, потому что времени нет! – сообразила вдруг я. – Не было никаких тридцати двух лет ни для кого! Время стоит, и все остается неизменным!

– Только не в этом замке, – совершенно спокойно сообщила птица. – Он скрыт во временном убежище, которое создала для него Воронья Мать, у него особое предназначение. Но я не стану говорить об этом с тобой, девочка с Посохом. Приведи себя в порядок и иди своим путем. У тебя волосы на лицо свисают, и неплохо бы смыть со щеки это жуткое пятно, которое тебя уродует. – И ручка довольно усмехнулась.

У меня внутри будто бомба взорвалась! Какое пятно? Оно давно пропало, и я давно уже чувствовала себя обычным человеком!

На стене с противоположной стороны от окон я увидела здоровенное квадратное зеркало, задрапированное тяжелым темно-красным бархатом, которое не сразу бросалось в глаза.

Я тут же направилась к нему, по-прежнему сжимая в руках Посох. Снова здешнее эхо старательно повторило мои шаги, и тишина замка заставила тревогу закрасться в мою душу.

Зеркало оказалось очень старым и помутневшим, словно внутри него находился серый туман, и очертания темной комнаты представлялись в его глубине нарисованной размытыми штрихами картиной. Но едва я всмотрелась в мутную глубину, как по зеркальной глади пробежала рябь, что случается на море во время слабого ветра.

Зеркало как будто вздохнуло, просыпаясь от долгой спячки, и мне вдруг показалось, что оно смотрит на меня долгим, задумчивым взглядом.

Я попятилась, пытаясь унять гулкий стук сердца где-то у себя в горле.

Что это еще за чертовщина? Куда я попала?

И в этот момент я увидела себя.

Почему-то без Посоха, без плаща Иоко. В своих чистых, выстиранных джинсах и клетчатой рубашке, с растрепанными волосами, без туши на ресницах, отчего глаза показались слишком обычными.

Я ведь и путешествовала без всякого макияжа, но раньше не обращала на это внимания. В последние дни я начала считать себя красивой, привыкла к восхищенным взглядам Луки и Иоко и даже почувствовала себя уверенной.

Ведь красота всегда придает уверенности в себе.

Но сейчас из зеркала на меня смотрела девочка с пятном на щеке.

Я хорошо знала это родимое пятно, так тщательно успела его изучить!

Оно никуда не делось, я всегда его чувствовала. Оно осталось внутри, стало частью меня самой. Но теперь заявляло права на мою душу, цепко держа в собственной власти и не собираясь никуда исчезать!

Что это значит? Безвременье посмеялось надо мной, а Вороний Замок вдруг отразил сущность?

Какая же я на самом деле?

Какое-то время я просто стояла перед зеркалом, уставившись на собственное лицо так, будто увидела его в первый раз. Наконец возможность здраво мыслить вернулась ко мне, и я вспомнила Иоко.

Пятно, да. Ну и что? Первый раз его, что ли, вижу? Я с этим всю жизнь живу. Иоко отлично знал, что оно у меня есть, и это не пугало его, не вызывало отвращения. Так почему я стою и удивляюсь, словно привидение увидела?

Где мой рюкзак и расческа?

Рюкзак оказался под кроватью.

Теперь я двигалась быстрее и не прислушивалась к пугающему эху над головой. Больше не разглядывая собственное изображение в зеркале, я расчесалась, наскоро заплела косу, снова взяла Посох, повесила рюкзак на одно плечо и направилась к двери.

– Молодец, – неизвестно почему похвалила меня дверная ручка, но я уже не стала задерживаться.

Резко отворила тяжелую створку и ступила в полутемный коридор, где с правой стороны тянулись стрельчатые окна без стекол и сквозь каменный переплет проникали серебристо-голубые лунные лучи.

А на противоположной стене проступали выбитые на камне буквы. Длинные ряды букв, над которыми тянулась вереница вырезанных вороньих фигурок.

Лунные лучи так ясно и хорошо высвечивали слова, что я не смогла пройти мимо. Приблизившись, я решила прочесть надпись, а в это время дверь в комнату, где я спала, мягко и осторожно закрылась, пряча последние отблески горящего камина.

3

*Хранители приходят и уходят.
Хранители забывают о своем предназначении и предают людей.
Хранители служат не тем, кому клялись.
Хранители забыли древние клятвы и оставили верность.
Власть и деньги – это тот товар, который нынче в ходу у Хранителей.
Но так не будет долго продолжаться.
Придет время, когда Хранители станут служить Хозяину, у них не будет души и свободной воли.
Жизнь покинет здешние места, потому что Хранители не сберегли сердце Мира Синих Трав.
Никто не уцелеет, и лишь Хранители будут ходить по синим дорогам и не смогут найти покоя.
Время остановится.
Время будет заперто.
Время перестанет существовать.
И, прежде чем Время вернется вновь, появятся в этом замке Настоящие Хранители.*

4

Короткие рваные предложения, которые выстроились на стене ровными рядками, поразили меня.

Они звучали как угроза или страшное предостережение. Кто выбил их в каменной кладке стены? Кто оставил эти искусные ровные буквы, у подножия которых вились тонкие усики трав, винограда и пролегали колосья пшеницы?

Я все рассматривала буквы и никак не могла двинуться дальше. Что-то зловещее чудилось мне в них, словно здесь скрывалось грозное предсказание, касающееся и меня.

Никто не уцелеет – вещала стена из камня.

Никто и не уцелел.

Или призрак, или мертвяк.

И если верить этим словам, то именно Хранители погубили Мир Синих Трав.

Рядом глухо заскрипела дверь, я вздрогнула, оглянулась, но никого не увидела. В лицо мне ударил порыв свежего ветра, и где-то внизу зашелестели верхушки деревьев.

Каменный переплет на окнах оказался холодным, и я тут же отдернула руку, едва дотронувшись до него. Ветер, забравшись под воротник рубашки, заставил поежиться, а запах хвои и осознание высоты выветрили из головы остатки сна.

Я находилась на невероятной, огромной высоте и далеко внизу едва могла рассмотреть верхушки еловых деревьев. Скала, на которой стояла Воронья башня, тянулась из самой гущи непроходимого леса. И оттуда, из чернильной чащи, потянуло свежестью, хвоей и еще чем-то, странным и знакомым.

Послышалось хлопанье крыльев, воздух пришел в движение, и спустя мгновение я смогла различить вороний силуэт, отделившийся от лесного массива. Он приближался, и я зачарованно смотрела на него, не в силах оторвать глаз.

Вдруг это Иоко? Может, он сумел освободиться? Ведь он чародей, волшебник, которому подчиняется Сила Жизни!

Ворон поровнялся со мной и мягко приземлился в соседнем окне.

Птица покосилась на меня черным блестящим глазом и – могу поклясться в этом! – улыбнулась.

Глава 6

1

Посох в моей руке тут же нагрелся и принялся светиться. Еле заметные серебристые полосы легли на каменный парапет окна. Они казались ярче лунного света, но гораздо бледнее электрического фонарика.

Я слегка повернула Посох, и его сияние упало на черное оперение птицы.

Ворон встряхнулся, мотнул головой и прекратил улыбаться. А затем вдруг превратился в размытое пятно, кляксу, заметно увеличился в размерах – и вот я таращилась на ухмылявшегося Дана.

Наглый Дан обворожительно улыбался белыми зубами и смотрел на меня, исполненный восхищения и радости. Его взгляд был веселым и даже довольным, а в темных глазах отражался серебристый свет луны.

Я растерялась.

Не просто растерялась – я вдруг вспомнила о своем пятне: видит ли его Дан? Подумала о кое-как причесанных волосах, помятой рубашке, и неуверенность сковала мой язык. Поэтому я просто глазела на парня и время от времени медленно водила Посохом.

– Привет, София, – низким голосом заговорил он, и у меня по спине почему-то побежали мурашки.

Я заметила, как слабо поблескивает странное украшение на тонкой цепочке, прикрытое воротником его белой рубашки, как выгодно подчеркивает стройную талию кожаный черный пояс и как гордо он смотрит на меня.

– Чего тебе надо? – пробормотала я, отступила назад и слегка отвернулась, стараясь скрыть щеку с пятном: вдруг оно есть и Дан сейчас смотрит прямо на него?

– Ты кое-что потеряла. Решил вернуть. – Он слегка наклонил голову и, вытянув руку, махнул невесть откуда взявшейся, до боли знакомой тетрадь.

Утеранные карты Безвременья! Вот они, оказывается, у кого!

– Я не теряла. Это ты их украл!

– Я? – Дан так искусно поднял брови, что стало ясно: он действительно удивлен и не имеет отношения к их пропаже. – Я лишь велел своему братцу отдать твою вещь. Тетрадь стащил он и рюкзак – тоже.

– А ты натравил на меня воронов! – осмелела я и перестала пятиться.

– Так ведь я Проводник. Разве ты не знаешь, что должны делать Проводники? Приводить людей к Хозяину. Это их единственная задача и предназначение. Что я мог с этим поделать, София?

Дан швырнул мне карты Безвременья, и знакомая тетрадка оказалась в моих руках. Я сжала ее и торопливо сунула в рюкзак, потом озадаченно пробормотала:

– Ты не можешь быть Проводником...

– Почему? – снова удивился Дан.

– Потому что тогда ты должен был быть Хранителем в прошлом.

– Все так и есть. Я заколдованный Хранитель. Но здесь, в этом замке Вороньего Удела, я могу быть самим собой.

– Если ты Проводник, то где твоя башня? – снова усомнилась я в его словах.

– Башни нет, были ворота. Мы проводили через них. Теперь все поменялось. – Дан повел плечами, словно расправляя невидимые крылья, сверкнул глазами, и на мгновение мне показалось, что отражение лунного света в его зрачках стало еще ярче.

– Почему? – задала я совсем уж глупый вопрос.

И, опустив Посох, вздохнула. Что-то во всем этом настораживало меня.

Но ведь и Иоко когда-то был заколдованным Проводником, который был готов бросить меня на съедение дракону в разрушенном городе Ноом. Все поменялось после того, как он начал вспоминать.

А что должен вспомнить Дан?

– Ты забыл свое прошлое? – тут же озвучила я свою догадку.

Дан только загадочно хмыкнул. Лунное сияние четко обрисовывало его фигуру и лицо: глаза из-под длинной черной челки казались уверенными и немного хитрыми, а губы растянулись в доброй улыбке.

Его улыбка действительно излучала счастье, словно он искренне чему-то радовался.

– Я его вспомнил, – наконец проговорил Дан, обернулся черным вороном и камнем кинулся вниз. Темные верхушки деревьев вмиг поглотили птицу, и я больше ничего не смогла разглядеть.

2

– Все чудесней и чудесней... – бормотала я, медленно шагая по длинной галерее.

Ветер усилился и теперь не давал покоя моим волосам, щекам и рукам. Остальные части тела закрывал и немного их согревал плащ Иоко.

Странные записи на стене остались позади, галерея уводила меня все дальше и дальше. Иногда попадались высоченные деревянные двери, но открыть их у меня не выходило. Медные ручки с изображениями воронов оставались молчаливыми и холодными, а деревянные створки не желали сдвинуться ни на миллиметр.

И я вынуждена была брести дальше по странной, продуваемой ночным ветром галерее и всматриваться вперед, надеясь найти хоть кого-то из своих друзей. Куда все запропастились? Как я могла уснуть настолько крепко, что теперь ничего не помнила?

Наконец галерея уперлась в стену, а слева показался арочный проход, погруженный в темноту. Едва я осторожно заглянула в него, выставив на всякий случай Посох, как тут же запылали факелы – длинные палки, вставленные в держатели на стенах. Только огонь, короткими языками плясавший в них, был почему-то голубым, а не оранжевым, словно свет моего Посоха пробудил это тихое пламя к жизни.

Факелы осветили ровный ряд высоких ступеней, уходящих вверх и скрывавшихся за поворотом.

«Ладно, будем двигаться по ним. Раз здесь есть свет – значит, меня приглашают», – подумала я и принялась подниматься.

Подъем закончился быстро. Один поворот – и я оказалась на просторной полукруглой площадке, освещенной такими же факелами, отражающимися в стрельчатых окнах.

На площадке имелась всего одна дверь, высокая, двустворчатая и гостеприимно приоткрытая. Оттуда просачивался оранжевый свет, слышались треск дров в камине и голоса людей.

Голос Нисы я узнала сразу – этот мелодичный звук невозможно было забыть.

Второй голос принадлежал немолодой женщине: глубокие, низкие ноты в нем казались полными, чистыми и насыщенными. Эти двое говорили по очереди и прекрасно дополняли друг друга. Как будто Ниса была скрипкой, а ее собеседница – виолончелью.

– Вам не следовало открывать ворота в Вороний Удел, – пела виолончель. – Его час не настал. Слишком рано: еще не собрались Настоящие Хранители – а ведь только они могут

вернуть время и одолеть Хозяина. Эти ворота должен был открывать Им-Сиан, и ты это знаешь, Ниса.

– Если мы сейчас не поможем Им-Сиану, некому будет открывать ворота Вороньего Удела. Ты состаришься, Ката, годы твои утекут, и прошлые тайны уйдут вместе с тобой. Уйдут навсегда. А Хозяин так и останется хозяином Мира Синих Трав, – возразила скрипка.

– Кто поможет Им-Сиану? – не останавливалась виолончель. – Скажи мне, Ниса. Ты призрак, у тебя нет воинов. Семь Хранителей заколдованы, и их сила скована. Кто может помочь? Уж не Миес ли и ее братья, дети Ходящего? Ты лишилась разума, если надеешься на них. А больше некому, Ниса. Больше некому...

Виолончель достигла крещендо и остановилась на самой высокой ноте.

– Ты не упомянула девочку. Она Спутница Им-Сиана, – зазвучала новая мелодия скрипки.

– Она сильна, я чувствую это. Она пробудила Замок, и я ощущаю, как оживают его комнаты. Но он проявляется в Безвремяе, и совсем скоро любой тролль сможет в него проникнуть! Этого я и боюсь, Ниса. Здесь, в этом Замке, спрятано слишком много волшебства. Оно предназначалось для Настоящих Хранителей, только для них. Но они не пришли, Ниса!

Снова крещендо и высокие ноты отчаяния.

– Пришли, Ката, просто ты отказываешься это принять! В пророчестве не сказано, кто такие Настоящие Хранители. Живых в Безвремяе не осталось, кроме Проводников и, конечно же, Агамы. Есть только призраки. Почему они не подходят под описание? И отчего Со не может быть Настоящим Хранителем?

– Потому что она Отмеченная, – тихо и мрачно пропела виолончель.

– Ката, это я всегда была Отмеченной. Имя «Ниса» в переводе с диалектов Прозрачных островов означает «Метка». Так меня называли моряки за мою татуировку на шее, обозначающую мой ранг, уровень. Ты это знаешь лучше меня, Ката! – Мелодия скрипки заполнила собой всю комнату.

– Нет, Ниса. Девочка, которую вы привели, тоже имеет метку. Ее поставил сам Хозяин, когда она еще была в утробе своей матери.

– Откуда ты знаешь?

– Я знаю. Девочка стоит сейчас за дверью. Пусть войдет, и мы посмотрим на нее.

Теперь наконец я поняла, что эта музыка предназначалась мне.

Стало вдруг неловко. Посох в моих руках нагрелся и норовил вот-вот обжечь пальцы. Сила обволакивала меня, струилась сквозь ладони, через древко и рассекала воздух вокруг множеством крошечных искр. Все вокруг наполнилось ярким свечением.

Подняв голову, я сделала несколько шагов, на мгновение замерла перед приоткрытыми дверьми, а затем перешагнула через порог. Что-то происходило со мной, но я не могла понять, что. Чем дальше я двигалась, тем больше ощущала в себе странную, тяжелую, но послушную силу.

Ката оказалась высокой, почти такой же, как Ниса. Ее серебристые волосы, убранные спереди в замысловатые косички и украшенные крошечными поблескивающими камнями, похожими на алмазы, струились по плечам и спускались до пояса.

Сам пояс, выполненный из синей кожи, украшали тоненькие серебряные цветочки, а длинное белое платье до самого подола покрывала искусная вышивка из белоснежного шелка. То, что это Ката, я догадалась сразу. Просто поняла, и все.

Ниса в ее взрослом облике сидела у камина, в котором бодро и весело ревел огонь. Подруга расположилась на коврике с длинным ворсом. Она сидела, обхватив колени руками, и на ее запястьях поблескивали тонкие золотые браслеты.

– Не бойся, Со, здесь мы в безопасности. Тут все свои. Садись лучше, поедим засахаренные фрукты и пирожки с птичьим мясом. Это Ката готовила, еда натуральная и очень вкус-

ная. – Ниса быстро поднялась на ноги, приблизилась ко мне и ласково вытащила сияющий Посох из моих рук.

Мир перестал блестеть и сверкать, и неумная сила, что бушевала во мне, тут же притихла, свернулась клубочком и стала похожа на ласкового котенка. Но она оставалась во мне, и я очень хорошо чувствовала это.

– Что со мной? – тихо проговорила я и оглянулась.

На подоконнике восседал Хант, такой же взрослый и серьезный. Он ободряюще улыбнулся и подмигнул так весело, как будто мы собрались в этом огромном зале для развлечений.

Луки, Тимая и Миес с братьями нигде не было видно. Кругом поднимались каменные стены, до половины зашитые деревянными панелями. Горели толстые свечи в громоздких подсвечниках, в камине пылал огонь.

Перед ковриком, на котором сидела Ниса, стоял низкий столик, чьи ножки походили на лапы луса. На нем в глубоких, расписанных серебристыми узорами мисках стояло угощение: фигурное печенье, маленькие поджаристые пирожки, засахаренные фрукты оранжевого, красного, синего и зеленого цветов. Рядом стояли два высоких серебряных кувшина.

– Ладно, можно перекусить, – согласилась я, вдруг ощутив жажду и голод.

– Руки почти зажили, ты хорошо выглядишь, – ласково проговорила Ниса. – Садись, стоит подкрепиться, прежде чем приступить к разговору.

– Вы уже говорили, обо мне, – хмуро напомнила я и ревниво проследила взглядом за своим Посохом.

Ниса уложила его на белый ковер у камина и ласково хлопнула ладонью, приглашая меня устроиться рядом.

– Надо перекусить, – тут же согласилась Ката. Ее голос теперь звучал добрее, будто, увидев меня, она успокоилась и ее тревога улеглась.

Ниса быстро налила мне горячий темный напиток из кувшина, который на вкус оказался тягучим, немного сладким и слегка покалывающим язык. Это было похоже на теплое вино с приправами или на кока-колу, из которой выпустили газ. Не могу точно объяснить вкус этого удивительного напитка, от которого мигом прошла вся слабость. Он показался мне восхитительным: насыщенным и согревающим.

Пирожки и засахаренные фрукты тоже оказались кстати, и какое-то время в зале было тихо: только трещал камин да время от времени Хант постукивал пальцами по подоконнику.

Мы с Нисой лакомились угощением, а Ката улыбалась, подливая нам в серебряные бокалы на тонких ножках необыкновенный напиток.

– А теперь, Со, я расскажу тебе свою историю, – проговорила Ниса, когда доела последний кусочек пирожка.

Глава 7

1

Черты лица Нисы казались идеальными: немного крупные губы, округлый подбородок с крошечной ямкой, ровный овал лица и высокий выпуклый лоб, словно бы излучающий спокойствие и умиротворенность. Тонкие темные брови, точно усики у бабочки, и пронзительно синие глаза, которые напоминали дремлющий океан, омывающий песчаные берега Радужных островов.

Заплетенные во множество косичек светлые волосы немного отливали желтизной, словно в песочный цвет подмешали оранжевые отблески заката, а безупречно ровную кожу покрывал золотистый загар.

Не смуглый цвет, как у Ханта, а именно золотистый.

Ниса была не просто красива – она казалась царицей, за плечами которой несколько лет мудрого правления. Не хватало только венца на голове, хотя и его я уже видела. Призрачный, но все же.

Высокая стройная Ниса подвинулась поближе ко мне, и я ощутила легкий запах ветра и волн, песка и мокрого дерева.

– Здесь, в Мире Синих Трав, мою родину называли Прозрачными островами, потому что только у нас можно было найти драгоценные прозрачные ракушки, которые издавали удивительную музыку. Эти ракушки обладали множеством волшебных свойств, и мы берегли их как драгоценные реликвии нашего мира.

Ниса мечтательно посмотрела на огонь и продолжила рассказ:

– Хранителями у нас всегда были женщины, только женщины. Их называли Ведуньями, потому что они знали все секреты мира Прозрачных островов. Все тайны жизни и смерти, мироздания, земли и океана были им известны.

– Значит, и тебе? – заметила я.

– И мне – тоже. Мир Прозрачных островов был прекрасен. Небольшой, теплый, яркий и мирный, он являлся родным домом для каждого, кто родился в нем. И Ведуньи надежно охраняли его во все времена. Так было до той поры, пока одна из Ведуний не влюбилась в Хранителя Мира Синих Трав.

– Где она его нашла? – быстро спросил Хант, спрыгнул с подоконника и уселся рядом с Нисой на ковер.

– Она прошла через портал. Ведуньи умели создавать их, ведь владели большими знаниями и огромной мудростью. Она прошла через портал и встретила Хранителя, полюбила его и показала ему дорогу в свой мир. Показала драгоценные цветы и плоды разных деревьев, которые обеспечивали едой всех жителей, растения, излечивающие даже самые сложные болезни, и ракушки, через осколки которых можно было изменять мир. Те самые прозрачные ракушки. И ее возлюбленный понял, что на этом можно заработать золото. В его мире это было самой большой ценностью.

– А в мире Прозрачных островов? – снова спросил Хант.

– У нас всегда ценили людей, особенно детей. Наш мир давал нам все необходимое, мы ни в чем не нуждались и не голодали, никогда.

Ниса замолчала, и я увидела, как в уголке ее глаза застыла крошечная слеза. Один взмах ресниц – и она пропала, растворилась где-то у самого виска.

– Что дальше? – тихо спросила я.

И тут заговорила Ката. Она бесцеремонно отодвинула Ханта, опустилась на мягкий ковер и продолжила рассказ Нисы:

– А дальше Хранитель предал Ведунью. Так в мир Прозрачных островов пришло предательство. А виной всему стала любовь, девочка София. Нет смысла рассказывать, как был взломан портал и множество воинов проникло в мирный, добрый город. Им противостояли Ведуньи, началась война. Это была черная страница истории для обоих миров, в которой Хранители одержали верх. Не потому, что они сильнее и умнее, а потому что оказались более жестокими и безжалостными. Они принялись уничтожать всех Ведуний, без разбора, устроили охоту на них и не щадили никого. Убивали даже девочек, если видели, что ребенок должен стать Ведуньей. Вот так и был захвачен мир Прозрачных островов. А потом уже оттуда стали возить не только ракушки, но и детей удачи.

– Ниса, ты была той самой девочкой? – спросила я.

– Нет, девочкой удачи была моя дочь, – грустно ответила она.

2

Ниса была одной из последних уцелевших Ведуний. Она, ее муж и маленькая дочь укрылись на крошечном островке, где каждую ночь шумел прибой, а по утрам волны выбрасывали на песок множество мелких розовых ракушек и бледно-зеленые водоросли.

Над островом поднималась угрюмая гора, на чьей верхушке можно было увидеть единственное дерево – дерево Трех Плодов. Вход в скрытую пещеру находился недалеко от него – там и нашла прибежище семья Нисы.

Ее маленькой дочери только исполнилось семь. Она очень походила на своего отца: светловолосая, зеленоглазая, загорелая, девочка родилась с отметкой Ведуньи на шее: крошечным родимым пятном, формой напоминающим рыбку.

Вокруг этого пятна взрослые Ведуньи делали особую татуировку, которая называлась *мати* и обозначала, что ее владелица уже посвящена в ранг Хранительницы мира Прозрачных островов.

У дочери Нисы, которую звали Миньегой, татуировки еще не было, только маленькая родинка у уха. Ей не нравилось сидеть в темной пещере, питаться одной рыбой и хотелось вернуться домой.

Само слово «дом» вызывало тоску у малышки. Но не только у нее: Ниса отчаянно тосковала по деревянному домику с высокой крышей, в которой родилась их девочка. Но вернуться туда они уже не могли.

По многочисленным островам их мира рыскали жуткие воины в железных шлемах и кольчугах. Они убивали любую девочку, у которой замечали родимое пятно в виде рыбки, и каждую Ведунью.

Железных воинов было слишком много. Ниса умела сражаться, несмотря на то что ей исполнилось всего лишь двадцать шесть лет. Она вполне смогла бы одолеть десяток-другой солдат. Но как справиться с сотней? Разве что вызывать раздробление пространства. Но девушка знала: тогда погибнут не только солдаты, но и все, что их окружает. Погибнет остров, на котором они будут находиться, и люди, что окажутся рядом.

Ни одна Ведунья не осмеливалась прибегнуть к такому жуткому и опасному оружию, и Ниса – тоже, потому ее семья и пряталась в пещере.

Но однажды случилось непредвиденное. Что-то плохое всегда происходит внезапно.

Мир Прозрачных островов после вторжения чужаков стал беспокойным: приливы были настолько сильными, что волны яростно бились о берега, а ветер, налетающий с океана, дул так, что вырывал с корнем деревья и уносил их далеко за горизонт.

Случилась очередная буря, которую семья Нисы благополучно пережила в пещере. Но утром на берегу они нашли полумертвого рыбака. Это был самый обычный рыбак, житель Прозрачных островов, истерзанный волнами, иссеченный песком и разбитый об острые камни. Жизнь едва теплилась в нем, и Ниса не смогла оставить бедного парня умирать на жарком солнце.

– Мы не знаем, кто он, – предупредил ее муж, – и не можем быть уверены, что он не предаст нас. Прежние времена, когда Ведуньи помогали всем, кто нуждался в этом, давно миновали. Теперь каждый – сам за себя.

– Не бывает так, чтобы Ведунья была сама за себя, – решительно возразила ему Ниса. – А если бы тебя нашли израненного, выброшенного бурей на остров, как бы ты себя чувствовал, если бы не получил помощи?

– «Такова судьба», – подумал бы я, – решительно возразил Нисе ее муж. – Сейчас смутные времена, и никто не может надеяться на помощь Ведуний, ведь все знают, что их уже не осталось!

– Я не поступлю так. Ты знаешь, Таган! Я такая, какая есть, и не могу по-другому.

В тот день они забрали раненого мужчину в свою пещеру, и Ниса выходила его. Она вытащила рыбака из лап смерти, спасла ему жизнь и помогла встать на ноги.

Через несколько дней, молчаливый и угрюмый, он покинул их гостеприимную пещеру. Сказал: нужно кормить семью, во время шторма погибла его лодка, ветром снесло хижину, дети и жена остались под открытым и небом и он должен спешить домой, чтобы позаботиться о них.

Его никто не стал удерживать.

Но спустя несколько дней на остров явились железные солдаты из Мира Синих Трав. Они соорудили портал напрямик к пещере, и Ниса опомниться не успела, как в их укромное жилище ворвались вооруженные мужчины.

Это был яростный бой, девушка не собиралась сдаваться. Ее муж погиб сразу, едва вступился за свою семью. Нападавшие не намеревались никого щадить, желая убить всех родных Ведуньи.

Увидев, как падает ее любимый Таган, сраженный мечом, Ниса потеряла контроль над собой. Первый раз в жизни она прибегла к смертельной, черной ворожке и вызвала жуткую магию, заставившую окружающий мир и людей в нем рассыпаться черным мельчайшим пеплом. Это называлось «раздробить пространство».

Пещера, деревья, песок – все вокруг взметнулось черным прахом, превратившись в пустыню, в центре которой черным силуэтом мести стояла Ниса.

Ей не удалось спасти и дочь. Девочку украли. Малышка сидела у самого входа в пещеру и играла с ракушками, когда началось нападение. Один из солдат схватил ее и закинул в открытый портал.

Стоя среди черного праха, Ниса надеялась, что ее дочь жива: где-то там, за исчезнувшей стеной портала, в чужом, враждебном мире. И тогда девушка отправилась на поиски своей дочери, потому что в родном мире у нее не осталось никого из близких.

– Я нашла портал и прошла через него, – проговорила Ниса и замолчала.

Она отпила немного из серебряного кубка, а затем осторожно поставила кубок на стол и закрыла глаза.

Хант не отрывал взгляда от Нисы. Видимо, эту историю он слышал первый раз. Интересно, знал ли он, кто на самом деле скрывается за милой внешностью девочки Эви, догадывался ли?

Я сама никак не могла привыкнуть к новому облику Эви. Мне все время казалось, что я встретила незнакомку, которая теперь рассказывает мне о своем прошлом. Время от времени в голове даже мелькали мысли о том, что Эви пропала и ее надо найти. Тут же я спохватывалась,

смотрела на Нису и думала: вот же она, сидит передо мной! Неужели это она ела конфеты, дурачилась с Хантом и вела себя как настоящий ребенок? Как у нее получилось так удачно притворяться?

Хант меня не удивлял. Несмотря на его солидную и весьма приятную внешность, я не обманывалась. Внутри этого сильного черноглазого парня находился все тот же обормот, желающий корчить рожи и дурачиться, и никакая его серьезность не могла сбить с толку.

– Ты прошла через портал, попала в Мир Синих Трав и встретила там Иоко, – заговорила Ката. – Тогда он был сильным, уверенным в себе и рядом с ним находились семь его верных Воронов-Хранителей.

– Да, я встретила Иоко, – совсем тихо пробормотала Ниса.

3

Ниса совсем мало знала о Мире Синих Трав. Пройдя через портал, она оказалась на одном из Радужных островов. Не скоро ей удалось достигнуть того перекрестка, что находился около Вейма.

В те времена это было шумное место, где сидели торговцы в своих кожаных палатках, стояло множество крытых повозок, хозяева которых за небольшую плату предлагали ночлег и сытную похлебку. Там же можно было узнать что угодно и о ком угодно.

Ниса стала расспрашивать, куда отправляют украденных детей.

На нее смотрели с подозрением, удивлением и восхищением. Она сильно отличалась от женщин тех мест. Девушка была красива, свободна, уверена в себе, а в руках у нее сиял жизненной силой Посох – ее неизменный спутник.

– Вейм или Ноом – в эти два города отправляют всех детей, кто ж этого не знает? – пожал плечами бородастый торговец сладостями и уставился на Нису, рассматривая ее с наглым и откровенным интересом.

– Как туда добраться? – снова спросила та.

– А зачем тебе? Никак желаешь купить себе ребенка удачи? А деньги у тебя имеются?

– Какие деньги? – не поняла Ниса.

– Золотые, голуба. Только золотые. Рабов нынче продают за золото.

Ниса слышала о любви людей здешнего мира к желтому металлу, но никак не могла уяснить себе его ценность: откуда берется этот металл, что означает, чем полезен.

Мир Синих Трав разительно отличался от того, в котором она жила. На Прозрачных островах все было просто. Каждый трудился и делал то, что мог. Земля отдавала сторицей, голода не было, равно как и нужды. Существовал бартер, и иногда единицей обмена могли быть кусочки прозрачных ракушек. Эти вещи, если знать, как их использовать, могли менять окружающий мир, поэтому их особенно ценили.

Но что могло делать золото? Этого Ниса так и не сумела понять.

И тут к ней подошла худенькая женщина, чью голову покрывал яркий цветастый платок. На шее у нее висело множество бус, а яркая юбка поблескивала на солнце шелковыми кистями, нашитыми на подол.

– Знаю, что тебе надо, милая, – тихо проговорила женщина и потянула Нису за руку, – пойдем от этих людей. Они скоро догадаются, откуда ты, и потребуют плату за свои подсказки. А тебе нечем заплатить, я правильно понимаю?

Ниса послушно последовала за женщиной в платке.

Та отвела ее подальше от шумного перекрестка, в поля, заросшие высокими синими травами. В те времена хасы еще не проникли в таком количестве через порталы и поля были безопасными.

– Ты ищешь украденного ребенка? – быстро спросила женщина и кинула на Нису внимательный взгляд. Глаза у нее были настолько темными, что зрачок скрывался в черноте радужки. Таких глаз не было у жителей Прозрачных островов, и взор смуглой женщины заставил Нису поежиться.

Но девушка была не из пугливых. Она умела чувствовать людей, понимать их мысли и желания, потому и не побоялась ответить странной женщине.

– У меня украли дочь. Ты ведь догадалась, откуда я, – спокойно ответила Ниса, глядя прямо в глаза незнакомке.

– Конечно. Ты Ведунья и не боишься воинов нашего хана. Знаю, что так просто тебя не испугать. – Женщина кивнула и довольно и загадочно улыбнулась: – Я хочу тебе помочь. Моих детей... – Тут она замолчала, перестала улыбаться, и ее лицо исказила злая гримаса. – Моих мальчиков тоже продали. Я родила их от своего хозяина, поэтому они считались его детьми. И он продал их, все троих! Самому старшему не было и семи!

Женщина остервенело плюнула, схватила Нису за руку и приблизила свое лицо прямо к лицу девушки. Ее черные глаза сверкнули такой лютой злобой, что Ниса почти физически ощутила, как много темной ярости бушует в груди незнакомки.

– Я не могу отомстить. Но ты можешь! И я скажу, кто поможет тебе в этом. Ты будешь не одна против них! Не одна!

Женщина улыбнулась, тревожно посмотрела по сторонам и снова заговорила:

– Я скажу тебе, как найти Им-Сиана. Он знает, что делать.

– Кто такой Им-Сиан? – устало спросила Ниса, чувствуя, как сильно сдавливают пальцы женщины ее запястье.

– Им-Сиан – это настоящий Хранитель нашего мира. Он поможет тебе найти твою дочь! Вот так Ниса узнала об Им-Сиане.

В те времена он был молод, силен и горяч, ничто не пугало его. Рядом с ним были его друзья, семь сильнейших Хранителей, и вместе они могли противостоять ханам и их черным колдунам.

– Потому что Хранители, забывшие о своей клятве, начали служить сначала ханам, а уже после Хозяину. Они превратились в черных колдунов, – пояснила Ниса.

Но маленькую Миньегу так и не нашли. Она как сквозь землю провалилась.

Иоко не высказывал никаких предположений о судьбе девочки, но Ниса чувствовала его мысли. Он был уверен, что ребенка убили, увидев на ее шее знак Ведуньи. В Мире Синих Трав побаивались этих хранительниц, и не зря.

Ниса, присоединившись к Им-Сиану и его воронам, сделала их команду очень сильной. Вместе они и закрыли проклятые порталы в мир Прозрачных островов.

– Малышку свою я не вернула, но родной мир спасла, – тихо пояснила Ниса. – Теперь он в безопасности, и я знаю, что исполнила свое предназначение.

– А дальше? Что было дальше? Ты ведь знаешь, – прозвучал совсем рядом знакомый голос, и я увидела Луку. Он несмело стоял около дверного проема и виновато шурился.

– Что, пробрался к нам, призрак? – строго спросила его Ката. – Разве я не говорила, чтобы ты сидел во дворе и не совался в эти покои?

Лука не сразу ответил Кате. Он деловито прошлепал к камину, устроился на краю ковра и без всякого стеснения взял со столика горсть засахаренных фруктов. Сунул одну штучку в рот и только тогда, не переставая жевать, заявил:

– А я тоже Хранитель. Может, у меня нет Посоха, но я должен охранять Со. Теперь, когда Иоко нет, мы ей пригодимся. Скажи, Со!

– Да. Он спасал меня и много раз помогал в трудных ситуациях. Настоящий Хранитель – это тот, кто является таковым по своей сущности и умеет охранять друзей! – твердо заявила я.

В этот момент я вспомнила, как Лука помог мне вырваться из мерзких лап Ходящего, вспомнила кровь раненого человека на своих руках и сердито сжала губы. Мы были вместе в самые сложные моменты, и сейчас он не покидал меня.

– Ну-ка повтори, что ты сказала, – попросила меня Ката.

– Что повторить? Что Лука спасал меня? – я пожала плечами, считая, что все и так понятно.

– Про Настоящих Хранителей. Ты сказала, что...

Ката замолчала, и ее пристальный, внимательный взгляд заставил меня смутиться и беспокойно заерзать.

– Она сказала то, что должна была. Ката, пришло время для старых пророчеств, которые ты сама изрекла однажды, – сказала ей Ниса. – Мы знаем их наизусть. Слишком долго этот замок скрывался во временной петле, слишком долго находился под воздействием твоих чар. Посмотри внимательно: я привела Настоящих Хранителей, и они понимают суть того, что должны исполнить.

Ката не отводила от меня взгляда, ее светло-карие, почти золотистые глаза, ничуть не тронутые временем и казавшиеся яркими и невероятно умными, буквально буравили мое лицо. Женщина словно что-то хотела сказать, но слова замерли у нее на устах.

Я почти ощущала, как воздух дрожит от невысказанных слов.

Теперь я знаю, о чем думала Ката и о чем промолчала, какую важную вещь я упустила в тот момент – проворонила, забыла, ослепленная собственной силой, впечатлением от рассказа Нисы и бестолковыми мыслями о лукавой усмешке Дана.

Но тогда я не задала вопросов. Упущенное, важное и нужное так и не было озвучено.

– Хорошо, – наконец проговорила Ката, – посмотрим. Ниса, расскажи о прошлом. То, что осталось позади, должно быть извлечено на свет. Пора рассказать о падении Мира Синих Трав.

Глава 8

1

Ниса продолжила рассказ.

– Я влюбилась в Им-Сиана, – сказала она.

В этот момент меня словно по голове ударили. Уставившись на Нису, я вдруг совершенно ясно осознала, что она невероятно красива, сильна и умна. Это вам не какая-нибудь Залхия, а Ведунья с Прозрачных островов! Конечно, Им-Сиан Иннади Иоко ответил ей взаимностью...

А Ниса между тем обернулась к Ханту.

– Хант, ты должен понять. В Им-Сиана невозможно было не влюбиться. Он был сильным, умным, храбрым, добрым, к тому же красивым и синеглазым. Он был вороном! Рядом с ним я чувствовала себя особенной и защищенной и знала, что делаю свое дело.

Ниса вздохнула и продолжила:

– Рядом с ним потихоньку утихла моя тоска по дочери и убитому мужу. Им-Сиан не отвечал мне взаимностью, он в те времена не думал о романтических чувствах. Им владело лишь одно желание – спасти Мир Синих Трав. Он был Настоящим Хранителем.

Нам удалось одержать всего одну стоящую победу. Мы закрыли портал в мой мир, тот самый, что находился на Радужных островах. Славная битва случилась тогда. Мы чувствовали собственную силу и не сомневались, что и дальше одержим верх.

– Но вы не победили, – мрачно сказала Ката.

– Да. Твои предсказания, Воронья Мать, оказались верными. Когда-то здешний Вороний Удел был самым главным и могущественным. Из этого замка вышло не одно поколение Хранителей, верно служивших своему народу, – ответила Ниса.

Вороний Удел Туманной Зыби и в те времена, и сейчас является самым большим замком с бесчисленным количеством башен, в стенах которых хранится много таинственного и невероятного. Хозяйкой долгое время оставалась Ката Аган-Наиди. Ее трое взрослых сыновей находились в числе семи Воронов-Хранителей, что сражались вместе с Им-Сианом. Муж ее, отец и четверо братьев в свое время тоже были верными Хранителями Мира Синих Трав.

Но четверо племянников переметнулись на сторону хана Туманной Зыби. Это они захватили две нижние башни Вороньего Удела и превратили всю челядь, всех слуг, родных, детей и родственников в воронов.

– Спасти удалось только троим моим сыновьям, и сейчас они заперты в Шкафу Желаний. Над ними довлеет колдовство, что наложил Иоко, – добавила к рассказу Нисы Ката. – А я до сих пор жива. Горе сломало меня, но в тот день, когда я узнала, что мои братья погибли, а муж обречен всю жизнь летать птицей над Туманной Зыбью, мне было видение, такое яркое и сильное, что я решила запечатлеть его. Предсказание выбито на стенах этой башни. Башня – единственное, что мне удалось сохранить из всего Удела.

– Но как получилось, что Им-Сиан пропал? – голос принадлежал Миес.

Она появилась в зале, возмущенно хлопнув ладонями по бедрам, отчего золотистая сережка в ее ухе грозно блеснула, словно передавая недовольство хозяйки.

– Еще один призрак, – возмущенно проговорила Ката. – От вас одни неприятности. Велено было сидеть во дворе замка!

– Нам надо быть всем вместе, – медленно и четко проговорила Миес. – Мы охраняем, помогаем друг другу. Расскажите, как вышло, что Им-Сиан и его семеро воронов переметнулись на сторону Хозяина?

– Я этого не знаю, – устало сказала Ниса. – Мы собрались все вместе в старой синей башне, настолько заброшенной и удаленной от Ноома и Вейма, что там не обитали даже крысы. В этой башне мы нашли для себя убежище, ведь нужно было где-то укрываться от дождей и ветров.

– Там на вас напали Валес, Деймес и еще несколько черных колдунов. Тяжелый случился бой, верно? – вздохнула Ката.

Мне показалось, что даже огонь в камине перестал потрескивать, языки пламени прижались к прогоревшим углям и осторожно мерцали. Все в комнате замерло, погрузилось в тишину. Все впитывало в себя рассказ о давно минувших событиях. Даже беззвездное небо за окном застыло в грустном сожалении о прошлом.

– Мы были уверены в собственных силах. Знаете, когда все удается и каждый бой завершается победой, невольно начинаешь верить в собственную удачу. Вот мы и думали, что справимся с любым нападением. Мы ведь слыли могущественными чародеями, Хранителями. Нам подчинялась сила Жизни, наши Посохи повелевали магией Жизни, и мы не верили, что можем потерпеть поражение.

Им-Сиан был великолепен. Он не сомневался, что сможет одолеть любого врага, и ничего не боялся.

– Никогда не стоит недооценивать собственного противника, – сухо пробормотала Ката и кинула на меня суровый, строгий взгляд.

Я лишь пожала плечами. История Иоко завораживала, и мне не терпелось услышать продолжение, потому я предпочла не перебивать Нису и промолчала.

– Валес и Деймес напали ночью, но они были не одни. Знаете, кто такие мертвяки? – Ниса заговорила совсем тихо, и ее слова с мягким шелестом опустились на теплый ковер.

– Мертвые люди, – понимающе кивнул Лука.

Он, видимо, вспомнил сериал о вампирах. Похожие сказки существовали и в нашем мире, поэтому я воздержалась от комментариев. В тот момент у меня словно язык присох к небу и никакие слова на ум не приходили. Я лишь впитывала услышанное и пыталась понять и осмыслить далекое прошлое.

– Люди без души, – сказала Ката.

– Да, это люди, чья душа умерла. Они похожи на живых, но служат смерти, и убить их нельзя, а остановить очень сложно. Их души принадлежали Хозяину, но мы в те времена об этом не знали, – добавила Ниса.

Мертвяки ходили на ходячих скелетов. Их обтянутые плотной белой кожей головы с вытаращенными глазами поражали своей одинаковостью. Черты лиц стерлись, и остались лишь лютая злоба и желание убивать, горевшие в глазах всех этих существ без исключения.

Мертвяки подчинялись Валесу и Деймесу. Покорные и бессмысленные, они лезли и лезли на башню, и расправиться с ними не представлялось никакой возможности.

Они вырывали могучие деревья, которым было больше сотни лет, строили из них тяжелые, громоздкие лестницы и пытались забраться наверх.

Семеро чародеев-Хранителей во главе с Им-Сианом нашли способ сражаться с мертвяками. Они сжигали их огнем, и все вокруг похлынуло в яростном, магическом пламени. Воняло горелой плотью, да так сильно, что Ниса до сих пор помнила этот запах.

– Хранители разделились по трое и охраняли башню с четырех сторон. С одной стороны находились я и еще два Хранителя, их звали Мелек и Дасен. Стояла ночь, над землей висели обе луны. От жары пот заливал нам глаза, затекал за уши и даже волосы были мокрыми. Но мы не могли обращать на это внимание. Мертвяки лезли на башню, волокли деревья и устраивали пожары, так что все вокруг застилал густой дым. И вдруг через этот дым мы увидели жуткие очертания дракона. Огромная тварь неслась на нас распахнув пасть.

Мелек и Дасен приняли первый удар, Ниса, подняв Посох, выпустила очередной столб пламени, но внезапно почувствовала на своей талии чьи-то руки. Кто-то схватил ее сзади, крепко сжал и чем-то закрыл рот. Станный, терпкий вкус осел на языке, и, теряя сознание, девушка поняла, что случилось нечто страшное.

Ее захватили в плен.

Очнулась она в лагере нападавших. Над головой Нисы возвышалась темная башня Им-Сиана, окутанная сизым дымом, а руки Хранительницы были скованы особой цепью, разорвать которую она не могла. Сломанный Посох медленно догорал в пылающем очаге, через разорванный рукав платья проглядывало расцарапанное плечо, а собственные силы совсем покинули Ведунью с Прозрачных островов.

Ее пытали: ломали пальцы, прижигали запястья, резали лодыжки ног, требуя предать Им-Сиана, сдать его и провести в башню лазутчиков или подсказать тайные проходы.

А затем огромный дракон с ревом и дымом возвестил Хранителям, державшим оборону башни, что Ведунья будет предана смерти, а спасти ее может только Им-Сиан.

– Я была полумертвой от пыток. Пришла в себя уже в домике Агамы. Старая хранительница таверны выходила меня, но того, что случилось с Им-Сианом и его воронами, мы не знали. Мир Синих Трав на какое-то время погрузился в сонную тишину. Люди чувствовали приближение опасности, но не могли понять, что им угрожает. А потом появились мертвяки во главе с Иоко.

Ниса узнала о нападении на Ноом и поспешила на помощь. У нее не было Посоха и сил почти не осталось, но нужно было помочь людям. И девушка отправилась через Воющий пролив навстречу жуткой армии нечисти.

– Я увидела его. – Ниса смотрела на огонь, и ее широко раскрытые глаза, изумительно голубые и ясные, все еще хранили пережитый ужас. – Он стал другим. Меня Иоко не узнал и, когда я направила против мертвяков остатки своей силы, превратил в призрака. Вот и вся история.

2

– Все, что у меня оставалось, – это пророчество Каты, которое она изрекла накануне войны мертвяков с живыми людьми. Мы слышали о нем и даже успели побывать с Им-Сианом в Вороньем Уделе до сражения в синей башне. Мы видели то, что предсказала Ката, но думали, что Настоящие Хранители – это мы: семеро Воронов, Им-Сиан и я, Ведунья с Прозрачных островов.

Ниса замолчала, покачала головой и пожала плечами.

– Прошло уже много лет, а Настоящие Хранители все еще не появились, – проворчала Ката. – Я укрыла главную башню Вороньего Удела во временной петле, чтобы призраки, мертвяки и слуги Хозяина не имели сюда доступа. Все это время я ждала. И только Ниса смогла открыть ворота в мою башню. Теперь, когда ворота открыты, к нам может проникнуть кто угодно, даже призраки. И вот вы – доказательство этому.

Ката сердито зыркнула на Миес, поднялась и схватилась за посуду. Быстрыми движениями она убрала со столика серебряные кубки, кувшин и миски с остатками еды.

– Ката, я по-прежнему думаю, что мы и есть Настоящие Хранители. Им-Сиан возвращается, он почти вернулся! Я видела его, мы прошли немало дорог. – Ниса подняла голову и еле заметно улыбнулась: – Он пока не так силен, как прежде, но сквозь облик Проводника Иоко все больше и больше проступает прежний Им-Сиан. Он изменился, возмужал... стал мужчиной.

Ниса мягко улыбнулась, глаза ее засветились так, как никогда прежде.

Холод внутри меня стянул внутренности в ледяной ком, схватил за горло и уколол в глаза мелкими льдинками ревности. Чем больше я смотрела на прекрасное лицо Нисы, тем

больше убеждалась, что ее чувство к Иоко не угасло и не исчезло. Оно на месте, внутри этой прекрасной Ведуньи.

И как же она подходит моему черному колдуну! Как великолепно смотрелась бы вместе эта пара! И почему только я вообразила, что нравлюсь Иоко? Я ведь самая обыкновенная девочка, с чудовищным пятном на лице, уродующим мои черты.

Во мне нет ничего необыкновенного или царского. Кого может удивить девочка-школьница в клетчатой рубашке и потертых конверсах, которая не отличается особенным умом и талантами?

Вдруг вспомнилось, как на моем плече сидел Иоко-ворон и подсказывал, что делать. Вспомнились его колючие коготки на лапах и мягкие черные перья, и внутри меня разлился ужас тоски и одиночества.

Иоко нет рядом. И даже если мы его отвоюем, найдем и спасем – он никогда не будет моим. К нему вернется настоящая Ниса, а он станет Им-Сианом, вспомнит все свое прошлое и будет любить ее. Да и как можно не влюбиться в такую красивую, смелую и сильную девушку?

Но внешне я ничего не показала. Сидела, спокойная, как айсберг, взирая на Катю и Нису, внимая их словам, и время от времени понимающе моргала. Ни в коем случае нельзя было ревновать, рыдать перед всеми, краснеть или заикаться.

Все свои чувства я сжала в крепкий узел и спрятала в самой глубине сердца.

Притворяться я умела: научилась за годы школьной жизни, когда надо было сохранять невозмутимость и не откликаться на прозвища «страхолюдина», «пятнистая» и «миска», которыми меня наградили одноклассники. Поэтому на моем лице не дрогнул ни один мускул. Бушевавший внутри океан не выплеснул наружу ни капельки.

А за окнами все еще стояла ночь, сияли луны и шумел ветер. В камине пылал огонь и потрескивали новые поленья, которые закинула туда Ката.

Призраки не устают и не испытывают голода, но Ниса, видимо, все-таки утомилась от длинных рассказов.

– Мне оставалось только ждать, и я ждала. Старалась держаться рядом с башней Иоко, пыталась поначалу достучаться до него, но напрасно. И тогда я приняла облик своей дочери и скрылась в густых травах около города Ноом, где и встретила мальчика Ханта. Мои силы постепенно вернулись ко мне, ведь Жизнь все еще оставалась на просторах Синих Трав, даже несмотря на то что живых там больше не было. Я сделала себе новый Посох и мечтала о времени, когда начнут сбываться предсказания Вороньей Матери.

Хант при этих словах поднял голову, бросил внимательный взгляд на Нису и еле заметно улыбнулся. Он все время молчал, только время от времени принимался нервно барабанить пальцами по краю стола.

– Хант стал моим единственным другом на пустых просторах Безвременья. Вместе мы существовали до того момента, как появилась Со, – пояснила Ниса.

– Вы завели меня прямо в пасть дракона, – напомнила я.

– Нас смутило твое пятно на лице. Мы решили проверить: вдруг ты Отмеченная, то есть та, которой суждено освободить время, – пояснил Хант.

– Но ведь Ниса была уверена, что Отмеченная – это она? – удивилась я.

– На самом деле нет никакой уверенности. Есть загадочные карты Безвременья, написанные человеком из вашего мира, которому удалось уйти от своего Проводника и изучить Мир Синих Трав. Кто он, я не знаю. Мне не довелось с ним встретиться. – Ниса вздохнула и пояснила: – Пророчеств слишком много, и мы не уверены, что все они сбудутся. Про Отмеченную написано только в картах Безвременья. Но откуда человек взял эту запись и почему он так решил, мы не знаем.

– А если бы я погибла? Вы не желали меня спасти? – осторожно поинтересовалась я.

До сих пор при воспоминании о жутком дыхании дракона за спиной я покрывалась мурашками ужаса. Просто жуткий сон какой-то: я бегу по бескрайней траве, а в затылок дышит сама смерть, чешуйчатая и зубастая.

– Мы пытались спасти многих, но у нас не получалось. Как Проводник Иоко был ловок и силен. Мы не могли ему противостоять, и убить его я тоже не могла. К тому же мне не хотелось показывать, кто я такая на самом деле. В тех местах водилось много воронья, а вороны служат Хозяину. Мы это знаем.

– Не все, – напомнила я.

– На тот момент служили все, – твердо сказала Ниса. – Поэтому я никогда не показывала свой настоящий облик, даже Ханту. Хотя он догадывался.

Хант при этих словах остался невозмутимым, лишь на голове появилось некое подобие рожек, но оно тут же пропало.

– Хорошо. – Ката остановилась около очага, и в руках у нее блеснуло огромное серебряное блюдо, которое она убирала за резные дверцы буфетного шкафа. – Мы вспомнили, как все было, собрали в главной комнате заповедного замка бродячих призраков и одну девочку. Что вы собираетесь делать теперь? Чего хотите от меня? Мои силы иссякли, я уже не та, что была прежде, и не смогу освободить вашего Иоко. Да и не стала бы, даже если бы могла!

Ката с грохотом водрузила блюдо на полку, захлопнула дверку шкафа, покрытую замысловатой резьбой, и сердито сверкнула глазами.

– Сама знаешь, Ниса, что он творил в здешних местах! – с неожиданным чувством сказала она. – Он перебил всех жителей Туманной Зыби, собственноручно резал женщин и детей. Он зверь, и я не поверю, что однажды вернется прежний Им-Сиан. Если человек опустился до животного состояния и утратил всякое подобие души, обратного пути для него нет! Так что забирай своего Ханта и уходи. По-моему, этот призрак гораздо симпатичнее твоего голубоглазого Им-Сиана.

Ката нахмурилась и пробормотала уже гораздо тише:

– Вот только не знаю, могут ли призраки иметь детей...

– Ката, ты выжила из ума! – вдруг возмутился Хант.

Он хмыкнул, щелкнул пальцами и пояснил свою мысль:

– С чего ты взяла, что мы пришли к тебе зачинать детей? От тебя требуется всего лишь подсказка, как выбраться из этого клятого города. Нам нужна дорога к Агаме, больше ничего. Не хмурься и не криви губы! Мы уйдем сейчас же, ночь на исходе. В твой мир тоже врывается Безвременье, и твои луны светят гораздо дольше, чем должны. Мы уходим, а ты можешь состариться и умереть в этих стенах. Никто не придет, чтобы похоронить твой труп.

– Да, мальчик Хант стал чересчур умен. – Ката неожиданно усмехнулась. – Я наблюдала за тобой и Нисой: не могла отказать себе в этом удовольствии.

Она покачала головой, затем внимательно посмотрела на меня, и улыбка пропала с ее лица. Глаза недобро блеснули, а губы превратились в узкую нитку. Пожилые люди умеют так поджимать губы, что кажется, будто их рот – это тонкая ниточка, через которую не прорвется ни одно доброе слово.

– Не люблю я эту вашу Агаму. – Ката перевела взгляд с меня на Нису. – Она решила воспользоваться преимуществом Безвременья и оставаться вечно молодой. Ветреная, бестолковая, и до сих пор такой остается.

– Она ведь жена твоего брата, да? – уточнила Ниса.

– Жена старшего брата. Она не из вороньего рода. Женится на девушке с улицы, которую встретил у колодца. – Ката сердито покачала головой. – Я покажу вам тропинку к ней, но сама не пойду.

– У нее есть то, что нам нужно. И у тебя есть то, что нам нужно. – В голосе Нисы появились твердые нотки.

– У Агамы просите все что хотите. А из этого замка вы не унесете ничего. Призраки не получают силу. Это мои последние слова, Ниса, и спорить я не собираюсь.

– Тогда не сбудутся те пророчества, что ты выбила на стене, – заметил Хант.

– Когда-нибудь они сбудутся, я это знаю. Но не вы Настоящие Хранители. Вы – призраки.

А она, – Ката ткнула в меня пальцем, – *Отмеченная*.

Ката вышла из зала и сердито хлопнула тяжелой дверью.

3

– Странная она. Похожа на сумасшедшую, – мрачно проговорила Миес, приблизилась к огню, схватила стоявшую рядом кочергу и поворошила догоравшие поленья.

Вверх поднялись искры, Миес сердито подвигала кочергой и пару раз чихнула. Она злилась, и я быстро уловила ее настроение.

– Посиди несколько десятков лет в одиночестве в старой башне – еще не такой станешь, – усмехнулся Хант. – Значит, она не даст нам ничего, я правильно понял, Ниса?

– Не даст. С ней что-то произошло за это время. В скрытом замке ведь оставалось время. Она стала недоверчивой, замкнутой и теперь не верит даже мне.

– Обойдемся без нее. А что она должна была нам дать? – быстрой скороговоркой спросил Лука.

– В этой башне полно оружия, древнего и могущественного, которым владели известные Хранители. Оно появляется у каждого, кто верно и честно исполняет свой долг. Кроме Посоха, разумеется, – принялась пояснять Ниса. – Здесь собрана великолепная коллекция. Мы могли бы вооружиться и сразиться с Валесом и Деймесом.

– Теперь не выйдет, – сказал Хант. – Тогда пусть покажет дорогу, и отправимся в путь.

– Солнце восходит, – сказал вдруг Ветер и ткнул пальцем в сторону окна. – Поднимается туман.

Солнце действительно взошло. Оно поднялось быстро, и вокруг него я не заметила ни капли розовых или красных красок. Светило белым шаром выкатилось из-за верхушек гор, но его лучи казались тусклыми, слабыми и серыми.

И тут же, точно грязно-желтая вата, в окне за клубился туман. Он двигался прямо на наших глазах, наползал округлыми комьями и очень быстро скрывал острые зубцы горных вершин. А затем странная густая субстанция вдруг изменилась и приняла облик ворона.

Могу поклясться, что видела в окне огромную птичью голову, чьи контуры проступали словно края бурого облака. Ворон заглядывал к нам в окно и кривовато улыбался.

– Началось, – устало буркнул Хант.

Глава 9

1

Облачный ворон вовсе не выглядел милым. Формы его головы и крыльев становились большими и зловещими, и мне вдруг показалось, что странный туман пытается заглянуть мне в самую душу.

Машинально протянув руку, я тут же ощутила прохладное древко Посоха, сжала его и бросила тревожный взгляд на Нису.

– Это Безвремяе. – Девушка была коротка. – Оно пытается проникнуть в башню.

– Что делать? – Последним из призраков появился Тимай.

Лохматый и сосредоточенный, он бесстрашно приблизился к окну и заглянул прямо в глаза туманному ворону.

– Вот они, хранители, называется... – послышалось ворчание Каты, затем она распахнула стрельчатые двери и вошла в зал.

На ней уже не было длинного нарядного белого платья. Тонкую хрупкую фигуру Каты обтягивала шелковая черная рубашка длиной до колен – что-то вроде туники. Черные плотные штаны и высокие черные сапоги завершали образ чародейки.

– Стоят и не знают, что им делать и с чем они столкнулись. А ты говоришь: Настоящие Хранители пришли. – Ката сердито повела тонким черным Посохом. – Ты мне нужна, Ниса. Башню надо защитить от призрачного тумана.

– Это и есть Туманная Зыбь. – Ниса поднялась, и у нее в руках тоже появился посох, сиявший золотистыми всполохами. – Она может затянуть в себя и не отпустить. Колдовское наваждение, время от времени появляющееся на улицах города. Берегитесь и держитесь от этого подальше.

Последние слова относились к нам.

– И что делать? – нетерпеливо проговорил Лукас.

Он выглядел сердитым и хмурым и старался не смотреть на Катю. Видимо, ему не нравилось то, что хозяйка башни не доверяла призракам. Мне тоже это казалось предрассудком, но я думала, что, скорее всего, такова особенность населения этого мира.

Возможно, к призракам все относились как к недолудям, ведь они действительно не обладали человеческими свойствами. Они просто были... другими.

– Не мешать! – резко воскликнула Ката и подняла Посох. – Мы должны идти в галерею замка, там стекла окон не пропустят туман. Но если он проникнет в коридоры, то может сделать много бед.

Я тут же поняла, о чем речь. Сколько таких переходов в главной башне Вороньего Удела?

Тонкое древко Посоха тут же отреагировало на мои мысли. По его поверхности заструились крошечные звездочки, поднимаясь все выше и выше. Их теплое покалывание перешло в мои пальцы и побежало по венам живительной энергией, чем-то напоминающей пузырьки в бутылке кока-колы.

И тут же передо мной предстало видение башни. Оно было быстрым, объемным и нереальным, как полупрозрачный набросок или неразукрашенная картина, которую всего лишь набросали на бумагу неуверенными линиями.

Замок открывался передо мной с удивительной доверчивостью и простотой: две галереи с двух противоположных сторон. По одной из них я прошла, направляясь из своей огромной

спальни в верхнюю комнату. Обе обладали особыми свойствами, на их стенах находились пророчества, изреченные однажды Вороньей Матерью, Катой.

Чтобы не пустить Туманную Зыбь внутрь, нужно было закрыть проемы особо прочным стеклом.

Звездочки на моем Посохе ожили и потянулись вверх, к самому потолку. Крошечными искрами они покидали древко и тихо потрескивали в воздухе.

Никто не обратил на меня внимания, кроме Луки. Тот смотрел, слегка приподняв брови, хотя, казалось, это его не впечатляло. Видимо, он решил, что я просто развлекаюсь.

А между тем звездочки-искры, растворяясь в воздухе, наполнялись удивительной силой. Я ощущала ее покалывание в собственных пальцах, понимая, что нужно сделать. В проемах галерей уже формировались стекла: они искрились и потрескивали, составленные из маленьких звездочек-искр. Закрывая плотной прозрачной стеной внутреннее пространство башни, они надежно отсекали ее от внешнего Безвременья.

Конечно, часть Туманной Зыби успела проникнуть в заветную Воронью башню, но я знала, что Ката и Ниса сумеют справиться с ней, недаром ведь они опытные Хранительницы. У них получится одолеть темную колдовскую мощь тумана.

А моя задача – оградить башню.

Между мной и Вороньим Уделом словно натянулась невидимая, живая и трепещущая, нить связи. Как будто я стала частью древней башни, сокрытой несколько десятков лет в глубине временного убежища, и теперь могла чувствовать внутри себя малейшую вибрацию старых стен, тихий скрип тяжелых дверей, еле слышный шелест или едва уловимое шуршание пауков под остроконечной крышей.

Я знала, что галереи уже закрыты стеклом, поэтому молча направилась к дверям.

За мной увязались верный Лукас и почему-то Тимай. Последний шагал торопливо, стараясь догнать меня, а как только мы спустились в первую галерею, проговорил горячим шепотом:

– Я могу позвать чаек. Они помогут.

Помощь нам была нужна.

Туманная Зыбь уже властвовала на лестнице, гася факелы ледяным дыханием и обволакивая стены странной полупрозрачной паутиной, похожей на призрачную дымку.

У самого выхода меня поджидала громадная туманная птица, отдаленно напоминавшая ворона. Она раскрывала клюв и щелкала языком, как будто призывая к себе, и, раскинув серо-желтые крылья, готовилась захватить в жуткие объятия, в которых могла быть только смерть.

– Позволь мне, – тихо попросил Тимай и, не дожидаясь ответа, обернулся чайкой, которая тут же вихрем налетела на зловещую птицу.

Я и ойкнуть не успела, как Тимай выклевал глаза Туманной Зыби. Ворон-призрак возмущенно каркнул, но чайка и не думала униматься. Она юрко промчалась под ним и напала сзади, разметывая клочья начавшего редеть тумана. Я помогла ему завершить начатое, направив на мерзкую сущность Посох и поразив ее длинным серебристым лучом.

Проход в коридор оказался свободным. Там уже сражалась Ниса, причем я так и не смогла понять, как она умудрилась опередить меня и оказаться внизу, у выхода с лестницы. Посох ее стал тонким и почти прозрачным, но золотое сияние, исходившее от него, заливало все ярким, теплым светом, похожим на солнечный. Лучи Посоха рассеивали туман, разбивали неясные вороньи фигуры, что витали под потолком, и бросали множество отсветов на новенькие, только что сделанные стекла, закрывавшие теперь всю галерею.

У меня получилось создать не просто окна.

Это были витражи, изображавшие одинокую башню Иоко: бескрайние поля Синих Трав и заброшенные пустые перекрестки. Аккуратно вставленные в арочные проемы, они делали башню похожей на загадочный храм.

Чайка Тимай немного помогла Нисе, доставая из углов тщательно сжатые клочья тумана – последние остатки проникшей сюда Зыби. И вот, оглянувшись, я поняла, что работа выполнена. Возможно, где-то по удаленным закуткам башни еще оставалась эта напасть, я даже немного ощущала ее присутствие в самых темных помещениях, но для нас она уже не представляла никакой угрозы.

Ката отлично справилась со второй галереей – это я тоже уловила.

2

Посох перестал светиться, крошечные звездочки пропали, и теперь я сжимала в правой руке самую обычную длинную палку, покрытую еле заметной резьбой.

Ниса принялась рассматривать витражные окна. Время от времени она поднимала брови и тихо цокала языком.

– Ката постаралась, – наконец сказала она. – Я не думала, что она настолько сильна и владеет магией сотворения. Такая магия доступна только могущественным Хранителям. Им-Сиан владел ею.

– Поэтому он легко восстановил мост к Храму, – заметила я.

– Именно. Но когда Иоко делал это, он еще не понимал, какими силами пользуется и что ему на самом деле подвластно.

– Думаешь, он вспомнит это под пытками Деймеса? – тихо и зло спросила я.

– Кажется, уже вспомнил. – Ниса посмотрела на меня мягко и грустно. – Пошли, Со. Следует отдохнуть от хорошо проделанной работы.

В этой гордой и красивой женщине все меньше и меньше оставалось от девочки Эви. Даже глаза смотрели по-другому, более властно и уверенно, как будто образ Эви был всего лишь коконом, из которого теперь вылетела большая яркая бабочка.

Меня вдруг охватила неуверенность, и я не стала пояснять, кто сделал окна в галерее.

К тому же сотворение волшебства действительно забирало силы, и мне вдруг захотелось принять душ, а затем оказаться в собственной кровати, поэтому я повернулась и отправилась в свою комнату.

– Тут ведь есть вода? Можно помыться? – крикнула я, не оборачиваясь.

– В твоей комнате, – подсказала Ниса и исчезла за арочным проемом лестницы.

Верный Лукас проводил ее взглядом, а потом догнал меня и зашагал рядом.

– Окна сделала ты, – тихо сказал он. – Потрясающе вышло. Как у тебя...

– Не говори, ладно? Просто, когда они создавались, я вдруг ощутила такую тоску... – призналась я, радуясь, что могу хоть с кем-то поговорить.

– По Иоко, да? Я тоже по нему скучаю. Как думаешь, что сейчас с ним происходит?

– Не знаю. Вообще ничего не знаю.

Лукас понимающе кивнул.

Он совсем не изменился с того момента, как мы встретились. Его футболка-поло оставалась неизменно чистой и почти новой, джинсы не затирались, кеды не покрывались пятнами от травы и пыли. Темно-синие кеды с длинными белыми шнурками. Приятно было смотреть на одежду Луки, она сильно отличалась от лохмотьев Ханта и Эви.

Правда, сейчас Хант выглядел как взрослый воин, но его одеяние по-прежнему не могло похвастаться новизной и яркими красками. Выгоревшие, когда-то черные штаны, серая рубашка из грубой ткани и потертая кожаная жилетка – вот и весь наряд.

Мои клетчатые рубашки и футболка Лукаса временами казались самыми выразительными вещами в этом мире.

Лука был для меня своим, и я почти не стеснялась его. Но говорить сейчас о судьбе Иоко не хотела. Мое сердце будто сжимала ледяная рука страха, и я понимала, что не могу позволить этой панике и этому ужасу победить.

Нужно было что-то делать, идти к Агаме и требовать помощи.

Но зато я стала сильнее, гораздо сильнее. Воронья башня изменила меня, и с каждой минутой я ощущала все более тесную и плотную связь с ней. Замок словно признал во мне свою, принял и желал защищать.

Теперь я чувствовала, что могу помочь Иоко. Но как? И где его искать?

Лукас между тем остановился перед записями на стене, созданными чародейкой Катой, и принялся читать. Губы его еле шевелились, а глаза блестели от удивления и восторга.

На самом деле выбитые в камне буквы казались верхом искусства. Узоры из переплетенных трав и виноградной лозы лишь подчеркивали объемность древних слов.

– *Время остановится. Время будет заперто. Время перестанет существовать*, – повторил Лукас вслух. – Вот оно, пророчество. Правда, больше похоже на обвинение: мол, Хранители стали плохими потому, что желают денег и власти.

– Все желают денег и власти, – буркнул за нашими спинами Тимай, который тоже теперь стоял и таращился на выбитые буквы.

– Не все. Я, например, хочу домой, – хмыкнул Лукас.

– Не у всех есть дом, – Тимай покачал головой, – и, чтобы его иметь, нужны деньги.

– Призракам дома ни к чему, – добавила появившаяся Миес, – достаточно и корабля. Что будем делать? Я так понимаю, что Ката и Ниса не очень ладят. Воронья Мать почему-то невзлюбила тебя, Со, видит в тебе нечто странное.

– Ката – старая, выжившая из ума бабка, – решительно заявил Тимай. – Пусть сидит себе в своем замке. Но если тут есть оружие – надо будет поискать. Она не зря не желала пускать сюда призраков. Ведь мы умеем быть невидимыми. Эй, все! Пусть Со отдыхает, а мы отправимся на поиски. Вдруг что найдем!

Значит, Тимай услышал и запомнил слова Нисы о могущественном оружии Хранителей, что прятала в себе Воронья башня, и теперь желает его найти без дозволения Каты.

– Ката сотрет вас в порошок и развеет по ветру за это, – тихо сказала я и выразительно зыркнула на Тимая, стараясь придать строгости своим словам.

– Мы тихо и незаметно, – пообещал Тимай и тут же пропал из виду.

– Он прав, надо бы осмотреться, – кивнул Лукас. Ты приведи себя в порядок и отдохни. Ночью выдвигаемся.

– А что скажет на это Ниса? – спросила Миес.

– В смысле? Она ведь идет с нами. – Лукас пожал плечами. – И Хант – тоже.

– Хант теперь не тот, что прежде. Он, оказывается, силен. Но почему-то всегда сбегал во время битв, – хмыкнула я. – Видели его дракона? Ловко он умеет превращаться.

– Все призраки это умеют, – сказала Миес. – Но никто не желает раньше времени показывать собственные силы. Еще не пришло время для нашей битвы, Со. Ниса пряталась, Ката скрывалась, и я с братьями – тоже, каждый по-своему. Все ждали, когда появится Иоко и поможет собрать спрятанные подсказки. В этом замке, кстати, тоже должна быть подсказка, еще одна. Ката охраняет ее.

– Вот у нее и спросим, – согласилась я.

– Тогда за дело.

Миес улыбнулась, щелкнула пальцами и пропала. Тимай исчез. Лука ободряюще мне улыбнулся, прикоснулся кончиками пальцев к плечу и тоже стал невидимым.

– Осторожнее там, – пробормотала я и направилась к двери в свою комнату.

3

Медная блестящая ручка встретила меня довольным поскрипыванием и широкой улыбкой.

– Что, вернулась? Давай, давай. Сейчас камин разожгу, тепло будет. Что желаешь поесть? – заботливо и ласково интересовалась ручка двери.

– Хочу кружку кофе, – буркнула я, – три в одном. Со вкусом амаретто. И шоколад. Еще горячую воду в душе.

Я хлопнула дверью и принялась на ходу стаскивать с ног кеды.

– Это еще что такое? – не понял ворон на ручке. – Такой еды нет. Есть травяной отвар, пряное вино, настойка травы татисы, еще мед, сушеные фрукты...

– Надоели сушеные фрукты. Давай эту твою татису и мед. Есть горячая вода, чтобы помыться?

– Сколько угодно. Справа от кровати есть плотный полог, а за ним – ванна. Наберу воды прямо сейчас, – пообещала ручка.

И не обманула. Медная, надраенная до блеска ванна с выгнутыми кранами на моих глазах наполнилась горячей водой, полной пузырьков и пахнувшей чем-то терпким и очень приятным. Я почувствовала, как мои губы расплываются в улыбке.

Вот чего мне не хватало! Мигом скинув одежду, я погрузилась в воду, устроилась поудобнее и прикрыла глаза.

– Эй! – завопила откуда-то издали настырная дверная ручка. – Куда тебе травы татисы и мед?

– А можно сюда столик? – не открывая глаз, пробормотала я.

– Как скажешь, – бодро согласилась ручка.

И сбоку от ванны появился маленький резной столик, на котором возвышались серебряный чайник с длинным носиком, серебряная чашка и пузатая баночка, перевязанная бечевкой.

Это было и правда здорово – лежать в теплой ванне и пить странный терпкий напиток, щедро подслащенный медом. Я чувствовала, как усталость буквально утекает из моего тела, и, когда наконец вылезла и облачилась в свой неизменный наряд – рубашку и джинсы, – почувствовала себя бодрой и довольной. Спать мне не хотелось совсем.

Что там Миес говорила про очередную подсказку? Где она должна быть?

В первую очередь следовало осмотреть эту комнату. В ней когда-то ночевал Йоко – может, здесь он и спрятал таинственную подсказку. Очередное воронье изречение, надпись, которая позволит нам понять, как вернуть время в Мир Синих Трав.

Покрытые деревянными панелями стены ничем не отличались друг от друга. Из окна можно было полюбоваться на хмурый серый день и на верхушки деревьев, находящиеся далеко внизу, где-то под башней. Каменный подоконник, гладкий и тщательно отполированный, приятно охлаждал ладони, когда я оперлась на него.

Нигде ни намека на буквы.

Я остановилась у зеркала и всмотрелась в собственное лицо: глаза блестят, губы крепко сжаты, брови четкими линиями подчеркивают благородство слегка выпуклого лба и придают лицу какой-то строгости.

Пятно тоже на месте – неизменная дьявольская отметина сияет на левой щеке. Почему меня им наградили? Что оно обозначает?

Посох мгновенно оказался у меня в руках. Я медленно повела им перед своим лицом, и пятно в зеркальном отражении исчезло, пропало, словно его и не было.

На меня смотрела красивая, смелая, уверенная в себе девочка с дерзким взглядом, четко очерченными губами и такими выразительными глазами, будто она повидала целый мир.

Еще одно движение Посохом, в обратную сторону, – и пятно снова появилось.

Я сама могла убирать его, если захочу. Хотя лично мне эта родинка не мешает, ведь я знаю свое лицо. И она не мешает человеку, которого я люблю: он знает меня такой, какая я есть. Тогда какая разница, есть на моей щеке это пятно или нет?

И тут я вспомнила Дана. Вдруг он снова объявится, улыбнется хитро и нагло и посмотрит на меня с этими своими волшебными искрами в глазах?

Новое движение Посохом – и родинка пропала. Пусть Дан видит меня только красивой, это я точно хочу.

Я ощущала собственную силу и чувствовала, что владею ситуацией, довольно улыбнулась своему отражению и медленно разжала пальцы, позволяя Посоху исчезнуть.

Этому фокусу я тоже научилась. Посох теперь был не просто палкой – он концентрировал в себе силу жизни, пронизывавшую все вокруг. Здесь, в замке, этой силы было столько, что она буквально заполняла меня доверху, как наполняется кувшин, когда его подставляют под струю воды.

– К тебе гости, – затараторила вдруг болтливая дверная ручка. – Ты слышишь шаги? Это Ката, она торопится. Она удивлена и, кажется, не в себе. Так ведь говорите вы, люди? Да, Ката не в себе, девочка.

Ручка довольно скрипнула, и в этот же момент я услышала, как быстро и торопливо шагает мой незванный гость. Дверь услужливо распахнулась, и на пороге комнаты появилась Ката. Хмурая, все в том же черном облачении, она смотрела на меня так, будто я была нашкодившей ученицей, завалившей классное задание.

– Ты сделала витражи в башне! – без всякого вступления заявила Ката. – Как тебе это удалось? Расскажи-ка, девочка, как ты научилась владеть своим Посохом?

Если бы она пришла немного раньше, до того, как я встала перед зеркалом и осознала собственную силу, наш разговор выглядел бы, скорее всего, иначе.

Но теперь сила все еще бурлила во мне, поэтому я подняла голову и, помня о том, что сейчас выгляжу неотразимо, сказала:

– Я владею Посохом и помогла башне. Что тебя не нравится, Ката?

Холод моих слов и, вероятно, нагло задранный подбородок возмутили Воронью Мать. Все-таки она была частью древнего рода и привыкла к почитанию. Она подняла брови с таким видом, словно только что увидела перед собой червя, а потом на ее губах появилась еле заметная усмешка.

Что-то странное и неуловимое почудилось мне в выражении лица Каты. Но я по-прежнему не могла рассуждать здраво. Сила буквально взрывала мне мозг, потому я тоже слегка улыбнулась, стараясь подражать Вороньей Матери.

– А ты невоспитанна, – медленно заговорила Ката. – Не знаешь самых простых правил. Никто не задает вопросы хозяйке дома. Здесь только я спрашиваю, девочка по имени София. Как ты смогла закрыть витражами галереи моего замка?

– Очень просто. Своей силой, – невозмутимо сказала я.

– Что ты при этом чувствовала?

– Силу.

– Ты видела какие-то знаки перед собой? Какие-нибудь картины или изображения?

– Нет, – коротко отрезала я. – Я сделала так, как научил меня Иоко: подняла Посох, подумала про окна, и они появились.

– Что ж... – Взгляд Каты стал пронзительным и острым, точно лезвие Посоха. – Ты сделала все правильно. У тебя есть сила, и, возможно, ты сможешь освободить Иоко. Ты его «спутница», как выражается Ниса. Но, как бы там ни было, он никогда не станет прежним, и потому не стоит надеяться, что, заполучив его обратно, ты сможешь хоть что-то изменить в Мире

Синих Трав. Я помогу тебе вернуться домой, в твой мир, если ты освободишь Иоко и приведешь ко мне. Понимаешь, девочка по имени София?

Я не понимала, зачем ей Иоко, почему я должна привести его в этот замок и отчего чародейка Ката смотрит на меня так, словно я поганка, выросшая вдруг на ее дороге.

– Почему ты молчишь? – снова спросила она.

– Им-Сиан не станет меня слушать. – Я пожалала плечами. – И никогда не слушал. Он всегда был сам по себе.

– Так постарайся. Ты поймешь, как это сделать. И поторопись, пока Ниса не прибрала его к рукам. Она еще та хитрая bestия, ловко провела всех вас. – Ката презрительно приподняла вверх кончики губ, но на улыбку ее гримаса не походила.

И тут я вспомнила про воронью подсказку – еще одну надпись, которую только что искала. И спросила об этом Катю.

– В этом замке должна быть надпись, оставленная Иоко и его воронами. Специальная подсказка, где найти запертое время, – торопливо заговорила я.

Ката кивнула и буквально окатила меня холодом голубых глаз.

– Я знаю, что ты имеешь в виду. Вот приведешь Иоко, он ее и отыщет. Понимаешь меня, девочка София? И еще, – добавила Ката и предостерегающе подняла ладони: – Не смей больше колдовать в моем замке. Никакой ворожбы, иначе выставлю тебя отсюда.

Затем она кинула на меня разъяренный взгляд, развернулась и ушла. Дверь громко хлопнула за ее спиной.

4

– Мерзкая старуха, – пробормотала я и высунула язык вслед удаляющимся твердым и решительным шагам Каты.

– Еще какая, – согласился ворон на дверной ручке. – Это печаль и отчаяние сделали ее такой. Когда-то она была гордой, могущественной, красивой и богатой. И у нее была большая семья, которая почитала ее. А что она имеет сейчас? Старую, обветшалую башню, переставшую ей подчиняться. Вот она и злится, когда видит тебя.

– Я здесь ни при чем. Ката могла бы не оставаться во временном убежище и не стариться, вот как Агама, ее родственница.

Я прошлепала к кровати и плюхнулась на мягкое одеяло. Почему-то во всем теле появилась жуткая усталость, навалившаяся как груда камней. Захотелось зарыться в подушку и уснуть, даже не снимая кедров. Сегодняшний день оказался очень сложным. На руках все еще виднелись слегка затянувшиеся раны после недавней битвы с вороньей стаей. Ноги ныли от продолжительной ходьбы. Глаза слипались, плечи болели, и весь окружающий мир казался мерзким и безнадежным.

Что-то пугающее, жуткое и страшное теперь мне чудилось в Кате и ее башне.

Медный ворон по-прежнему хитро улыбался с дверной ручки, деревянные панели все еще слабо блестели, еле заметно отражая отсветы плававшего в камине огня. Странное тепло все больше и больше охватывало меня.

Я снова подумала про воронью подсказку и вздохнула. В комнате ее нет. Разве что под кроватью? Проверю там и завалюсь спать. Мои призраки ищут по всему замку особое оружие хранителей и если что-то найдут, то обязательно покажут мне, так что я могу спокойно отдыхать.

Опустившись коленями на холодные плиты пола, я заглянула под кровать, где, к своему удивлению, не обнаружила ни грамма пыли. Вдруг что-то блеснуло в темноте, так ласково и маняще, словно желало, чтобы я его нашла. Быстро протянув руку, я нащупала нечто неболь-

шое, гладкое и металлическое. Пальцы уже подсказывали мне, какой предмет удалось обнаружить в комнате.

Это был ключ, почти такой же, какой висел на шее у Иоко. Маленький, желто-красный, будто сделанный из какого-то особенного золота с медным отливом. Теплый на ощупь, он лежал на моей ладони и до боли напоминал о моем Хранителе.

Глава 10

1

Ключик занимал ровно половину ладони и весь словно сиял. Такой гладкий и совершенный. С идеально круглой большой головкой, узорными завитками внутри и крошечной точкой-камушком посередине. Прозрачный камень с еле заметным красноватым отливом искрился и хранил в себе слабую толику света.

Или мне так казалось?

По всей ножке тянулась искусная бороздка. Откуда здесь этот ключ?

И тут меня осенило: конечно, это ключ Иоко! Не тот же самый, что висел у него на шее, но похожий. Ведь он ночевал в этой комнате, об этом говорил ворон с дверной ручки. Возможно, у Иоко имелось два ключа и один он случайно потерял. Видимо, тот завалился под кровать и дожидался нового хозяина. То есть меня!

Что-то теплое и радостное вспыхнуло у меня в груди и согрело даже лучше, чем пылавший камин. Крепко сжав свою находку, я улыбнулась и села на кровать. Затем подумала о своем проводнике, и в руках тут же появился Посох. Одно движение – и вот на моих коленях оказался кожаный шнурок. Коричневый, немного шершавый, он как нельзя лучше подходил к этому ключику.

Повесив находку на него, я надела новое украшение на шею и предусмотрительно спрятала под рубашкой. Я не собиралась никому рассказывать о нем – теперь это должно было стать моей тайной.

Эта вещь будет напоминать мне об Иоко. Возможно, найденный талисман специально поджидал меня, лежал себе в тишине и прохладе под кроватью, и в нужный момент я его нашла.

Ведь я нашла его сама, а значит, ключ принадлежит мне и больше никому.

Все еще улыбаясь, я легла на подушку, укрыла ноги одеялом и уснула. Провалившись в липкую дремоту, я все еще надеялась увидеть во сне Иоко.

2

Черный ворон сидел совсем рядом, буквально около моей руки. За его спиной темнел лес, и над колючими мрачными верхушками деревьев клубился туман.

Черные перья отливали синевой, выпуклые глаза блестели, а смоляного цвета клюв открывался с шипящим звуком. Ворон подбирался все ближе, открывал клюв все шире, а его черные коготки при этом издавали неприятный, скрежещущий звук.

Ворон желал со мной говорить – я это чувствовала, как совсем недавно могла ощущать старую Воронью башню. Желания птицы как будто отпечатывались внутри моей души, ложились четкими черными штрихами.

Ворон желал что-то сказать, поэтому придвигался все ближе и ближе, заставляя меня пятиться.

Галерея. Вторая галерея.

Два этих слова прозвучали у меня в голове как два выстрела. Они вдруг стали выпуклыми и реальными, проступили на подоконнике, где устроилась птица, обрели четкие очертания и усталились на меня словно грозное обвинение.

Вторая галерея.

Ворон довольно закивал и прошелся вдоль загадочных букв, стукнул по ним клювом, словно пытаясь донести до меня очевидное. А когда я понимающе кивнула, улыбнулся, открыл клюв, и глаза его заблестели хитрым, немного хищным блеском.

И тогда появился второй ворон. Он прилетел откуда-то сверху, лохматый, взъерошенный и бешеный. Кинулся на первого и саданул клювом по голове. Это произошло так неожиданно, что я испуганно отскочила и вскрикнула.

Первый ворон раздосадованно крикнул от боли – именно крикнул, звук получился хриплым, уродливым. А затем накинулся на второго, но тот оказался проворнее и злее. Его удары сыпались на противника с потрясающей точностью, как будто этот растрепанный ворон был механизмом, запрограммированным на убийство.

Первая птица не выдержала, расправила крылья и понеслась куда-то вниз, в туман. Я наконец вспомнила про Посох, причем во сне мои мысли текли медленно и тяжело, и, прежде чем я додумалась призвать на помощь силу, ворон уже пропал в клочьях тумана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.